

Куджо

Автор:

Стивен Кинг

Куджо

Стивен Кинг

Увалень-сенбернар, преследуя кролика, забирается в нору. А в ней таится зловещая тварь, жуткое кошмарное нечто... Маленький мальчик видит, как сама по себе отворяется дверца шкафа, из темноты на него глядят пышущие пламенем глаза... Провинциальный городок охвачен ужасом – его жителям грозит смертельная опасность...

Стивен Кинг

Куджо

На страданья у них был наметанный глаз.

Старые мастера, как точно они замечали,

где у человека болит, как это в нас,

когда кто-то ест, отворяет окно или бродит в печали...

Уистен Хью Оден.

В музее изящных искусств[1 - Перевод П. Грушко]

Как умирал мой старый пес, я видел до конца;

как он от боли землю грыз у моего крыльца.

Серебряной лопатой я ему могилу рыл;

на золотой цепи туда его я опустил.

И повторял, звено во тьму спуская за звеном:

«Прощай, мой старый верный пес, ты был хорошим псом!»

Народная песня

Ну что ж, все в порядке.

Профессор Вкусных Каш

Когда-то, не так давно, в маленьком городке Касл-Рок, штат Мэн, появился монстр. Его жертвами стали официантка Альма Фречетт в 1970 году; женщина по имени Полина Тузейкер и ученица старших классов Черил Муди в 1971 году; девушка по имени Кэрол Данбаргер в 1974 году; учительница Этта Рингольд осенью 1975-го; и наконец, зимой того же года, девятилетняя Мэри Кэт Хендрасен.

Это был не оборотень, не вампир, не невиданная тварь из колдовских лесов или заснеженных равнин – нет, это был всего-навсего полицейский по имени Фрэнк Додд, мучимый психическими и сексуальными комплексами. Его разоблачил некий Джон Смит с помощью своего рода магии, но прежде чем Додда успели арестовать, он покончил с собой (возможно, это было к лучшему).

Разумеется, городок охватила паника; впрочем, она быстро сменилась радостью по поводу того, что монстр, убивший столько невинных людей, наконец-то мертв. В могиле Фрэнка Додда оказались зарыты все кошмары горожан.

Но даже в наш просвещенный век, когда большинство родителей беспокоятся о психическом уроне, который они могут причинить своим детям, находились в Касл-Роке родители, пугавшие детей тем, что, если те будут вести себя плохо, к

ним ночью придет Фрэнк Додд; Фрэнк Додд в блестящем черном дождевике, улыбающийся, с протянутыми к горлу жертвы руками.

«Он там, – шептала бабушка под завывание ветра в каминной трубе. – Он там, и если ты будешь плохо себя вести, то увидишь его лицо в окошке, когда все уснут... все, кроме тебя, и, может быть, он глядит на тебя ночью из шкафа, со знаком «стоп» в одной руке, с которым он переводил детей через дорогу, и с бритвой, которой он убил себя, в другой... так что тише, детка... тсс... тсс...»

Но все же это кончилось. Остались ночные страхи и пустой дом Додда (его мать вскоре умерла от сердечного приступа), сразу же приобретший репутацию дома с привидениями, – однако это были преходящие естественные следствия цепи бессмысленных убийств.

Время шло. Пять лет.

Монстр сгинул, монстр был мертв. Фрэнк Додд гнил в своем гробу.

Но монстр не может умереть. оборотень, вампир, неведомая тварь из леса. Он бессмертен.

Он снова явился в Касл-Рок летом тысяча девятьсот восьмидесятого года.

* * *

Четырехлетний Тэд Трентон проснулся в одну из майских ночей того года, потому что ему захотелось в туалет. Он встал с кровати и, полусонный, поплелся к двери. Когда он, закончив свои дела, ложился опять, он и увидел кого-то у себя в шкафу.

Этот «кто-то» был невысокого роста, с маленькой головкой, вздернутой над покатыми плечами. Глаза его мерцали, словно янтарные впадины, – волк это был или человек? И эти глаза следили за мальчиком, когда он ложился. Волосы чудища стояли дыбом, из его глотки вырывалось хриплое ледяное дыхание, дикие глаза, смеясь, обещали скорую смерть и крики, которых никто не услышит. Кто-то сидел в шкафу Тэда.

Он слышал хрипкое ворчанье и чувствовал сладковатый душок падали.

Тэд Трентон закрыл глаза руками и закричал.

В соседней комнате тревожный голос. Отец.

Испуганный вскрик: «Что там?» Это мать.

После звук шагов, почти бег. И в тот момент, когда они вошли, он выглянул из-за растопыренных пальцев и увидел, что тот, в шкафу, по-прежнему смотрит на него и глаза его угрожают: «Ничего, вот когда они уйдут...»

Зажегся свет. Вик и Донна Трентон подошли к его кровати, пораженные его бледностью и вытаращенными глазами, и мать произнесла – нет, скорее прошептала:

– Вик, я говорила, что три хот-дога – это слишком!

И отец сел к нему на кровать, обнял его за плечи и спросил, что с ним такое.

Тэд осмелился снова взглянуть в сторону шкафа.

Монстр исчез. Вместо ненасытных глаз он увидел лишь две связки одеял и теплых вещей, которые Донна не собралась еще отнести на чердак. Перед ними стоял стол, на который Тэд забирался, когда хотел достать что-нибудь с верхней полки. Вместо уродливой треугольной головы, вздернутой словно в удивлении, его глазам предстал игрушечный мишка, взгромоздившийся на одеяла. И сейчас его коричневые глаза-пуговицы ласково глядели на Тэда, а не те ужасные желтые глаза.

– Что с тобой, Тэдди? – снова спросил отец.

– Там был монстр! – выкрикнул Тэд. – У меня в шкафу! – И он зарыдал.

Подсела и мать; они пытались успокоить его вдвоем. Обычный ритуал всех родителей. Они объясняли ему, что никаких монстров нет; что ему просто приснился страшный сон. Мама сказала, что тени могут иногда принимать

странные очертания, но это не страшно; и папа подтвердил, что, конечно же, ничто в их мирном доме не может причинить ему вреда. Тэд кивнул, хотя и знал, что это не так.

Отец объяснил, как Тэд мог в темноте принять одеяла за плечи, а медвежонка – за голову монстра; и как отраженный свет из ванной превратил стеклянные глазки игрушки в жуткие глаза неведомой твари.

– Вот, смотри, – сказал он. – Смотри как следует.

Тэд послушался.

Отец взял одеяла и задвинул их дальше в шкаф. Тэд слышал, как тихонько звякнули вешалки, говоря о чем-то на своем вешалковом языке. Это было смешно, и он даже улыбнулся. Мама заметила эту его улыбку и улыбнулась в ответ с облегчением.

Папа вылез из шкафа, взял медвежонка и дал его Тэду. Потом он закрыл дверцу и прижал ее столом. Вернувшись к Тэду на кровать, он еще улыбался, но глаза его были серьезны.

– Порядок, Тэд?

– Да, – ответил Тэд, но потом проговорил как бы с трудом: – Но он был там, папа. Я его видел. Правда.

– Ты воображал его, Тэд, – сказал папа, потрепав Тэда по волосам большой теплой рукой. – Монстров не бывает. Они существуют только в сказках и в твоём воображении.

Он посмотрел на мать и опять на отца – на их большие, светящиеся любовью лица:

– Правда?

– Конечно, правда, – сказала мама. – Лучше сходи и сделай пи-пи, как хороший мальчик.

– Я уже. Я потому и проснулся.

– Вот и хорошо.

Тэда укрыли одеялом и поцеловали.

И когда отец с матерью направились к двери, страх навалился на него, как холодная перина. Как безнадежное предчувствие смерти. «О, пожалуйста, – думал он; ничего больше, только: – О, пожалуйста, пожалуйста, пожа...»

Должно быть, отец уловил его мысли, потому что обернулся, держа руку на выключателе, и повторил:

– Нет никаких монстров.

– Нет, папа, – откликнулся Тэд, словно в свою очередь убеждал в этом отца. Монстров нет. Кроме одного, что у меня в шкафу.

Свет погас.

– Спокойной ночи, Тэд. – Нежный голос матери долетел до него, и он готов был крикнуть: «Осторожнее, мама, они и тетя едят! Во всех фильмах они утаскивают тетю и едят их! Ну пожалуйста, ну пожалуйста, ну...»

Но они все равно ушли.

И четырехлетний Тэд Трентон остался в темноте на своей кровати, с одеялом, натянутым до подбородка. На одной стене у него висел Люк Небоход, на другой жизнерадостный бурундучок (сообщающий: «Если жизнь преподносит вам кислые лимоны, сделайте из них лимонад!»), на третьей – вся команда из улицы Сезам: Биг Берд, Берт, Эрни, Оскар и Гровер. Все это были хорошие существа. Но они не могли защитить от ветра, завывавшего за окном и царапавшего крышу. В эту ночь он больше не уснет.

Но мало-помалу его нервы расслаблялись, подступило забытие...

Как вдруг новый звук, ближе, чем свист ветра, разбудил его опять.

Это скрипнула дверца шкафа:

– Кхххххх...

Тонкий скрип на такой высокой ноте, что его слышат только кошки и маленькие дети, проснувшиеся среди ночи.

Дверца медленно, дюйм за дюймом, приоткрывала из темноты свой мертвый зев.

Там опять был монстр. Там же, где и раньше. Он ухмылялся; его вздернутая голова поднималась над покатыми плечами; янтарные глаза все так же горели животной хитростью. «Я же говорил тебе, что они уйдут, – шептал он. – Они всегда уходят. И тогда я возвращаюсь. Мне нравится возвращаться. И ты мне нравишься, Тэд. Теперь я буду приходить каждую ночь и раз за разом стану подходить немного ближе... пока однажды ночью не успеешь ты закричать, как услышишь мой голос совсем рядом, и вот тогда я съем тебя и ты будешь совсем мой».

Тэд оцепенело смотрел на существо в шкафу. Он почти узнавал его, и это было хуже всего, он почти...

«Ты узнал меня, Тэдди? Я уже давно здесь. Одно время меня звали Фрэнк Додд, и я убивал тетей, и, быть может, ел их. Я древний монстр, Тэд, я всегда на страже и скоро приду и заберу тебя. Жди и смотри, как я подхожу к тебе ближе... ближе...»

Может быть, голос твари был только его собственным свистящим дыханием или воем ветра за окнами – это было не важно. Он слушал его, дрожа от ужаса, не в силах оторваться от зыбкого ухмыляющегося лица. Он не уснет этой ночью, быть может, он не уснет уже никогда.

Но чуть позже, где-то между двенадцатью и часом ночи, Тэд задремал опять – потому что он был маленьким и хотел спать. Он погрузился в беспокойный сон, в котором за ним охотились поросшие шерстью чудовища с острыми белыми зубами.

В трубе продолжал завывать ветер. Белая весенняя луна поднялась высоко в небе. Где-то далеко, на бескрайней равнине или в чаще хвойных лесов, залаяла собака, и опять воцарилась тишина.

А в шкафу Тэда Трентона кто-то с янтарными глазами продолжал бодрствовать.

– Это ты положил одеяла на место? – спросила Донна мужа следующим утром. Она стояла у плиты, поджаривая ветчину. Тэд в детской комнате смотрел «Наш новый зоопарк» и ел «Твинклс». «Твинклс» – кашу Шарпа – Трентоны получали бесплатно, как и все прочие каши Шарпа.

– Ммм? – спросил Вик, погруженный в спортивный раздел газеты. Коренной ньюйоркец, он успешно противостоял чарам команды «Ред сокс», но был мазохистски рад, узнав о неудачном старте «Метс» в чемпионате.

– Одеяла в шкафу у Тэда. Они опять там. Стол отодвинут, и дверца опять открылась. – Она поставила сковородку с шипящей ветчиной на стол. – Ты их клал обратно?

– Нет, – сказал флегматично Вик, переворачивая страницу. – Я и так провонял нафталином.

– Странно. Наверное, он сам их переложил.

Вик наконец сложил газету и посмотрел на нее:

– Ты о чем, Донна?

– Помнишь его страшный сон?

– Еще бы. Я думал, он умирает.

Она кивнула:

– Он решил, что вместо одеял у него в шкафу...

– Бука, – сказал Вик, улынувшись.

– Вот-вот. И ты дал ему медвежонка и отодвинул эти одеяла назад. Но утром, когда я зашла, они снова были на прежнем месте. В первый момент я подумала...

– Да, теперь я признаю, что три хот-дога – это перебор, – сказал Вик, снова раскрывая газету.

Позже, когда Вик уже уехал на работу, Донна спросила Тэда, зачем он положил одеяла обратно.

Тэд поглядел на нее, и его обычно живое, веселое лицо вдруг сделалось бледным и застывшим, как у маленького старичка. Перед ним лежала книжка-раскраска «Звездные войны», которую он разрисовывал зеленым фломастером.

– Я не трогал их.

– Но, Тэд, если ты не делал этого, и папа тоже, и я...

– Это монстр, – сказал Тэд. – Тот, что сидит у меня в шкафу.

Он опять вернулся к своему занятию.

Она стояла над ним, немного испуганная. Он был слишком впечатлительным для своего возраста. Нужно вечером поговорить об этом с Виком. Как следует поговорить.

– Тэд, помни, что сказал тебе папа, – произнесла она наконец. – В твоём шкафу никого нет.

– Днем нет, – возразил он, улыбаясь ей так широко, что у нее сразу отлегло от сердца. Она нагнулась и поцеловала его в щеку.

Она собиралась поговорить с Виком, но потом, пока Тэд был в садике, явился Стив Кемп и она забыла об этом, а ночью Тэд опять кричал, что у него в шкафу монстр.

Дверца шкафа была приоткрыта, одеяла лежали на прежнем месте. На этот раз Вик отнес их на чердак и сложил там.

– Все, Тэд, – сказал он, целуя сына. – Там ничего нет. Спи спокойно.

Но Тэд еще долго не мог уснуть, и, прежде чем ему это удалось, дверца опять тихо скрипнула, ее мертвый зев приоткрыл мертвую черноту – черноту, где таилось нечто шерстистое, с острыми зубами, пахнущее кровью и гнилью.

– Привет, Тэд, – прошептал монстр своим протухшим голосом, и луна заглянула в окошко, как белый, выпученный глаз мертвеца.

Той весной самой старой жительницей Касл-Рока была Эвелин Чалмерс, которую старожилы называли тетя Эвви, а почтальон Джордж Мира – не иначе как «старая болтливая стерва». Джордж Мира доставлял ей почту, состоявшую из каталогов, приложений к «Ридерс дайджест» и брошюрок Братства Христова, и выслушивал ее бесконечные монологи. «Единственное, что эта старая болтливая стерва говорит толкового, так это предсказания погоды», – говаривал Джордж своим приятелям, собираясь с ними у «Пьяного тигра». Дурацкое имя для бара, но им оно нравилось, поскольку бар все равно был единственным в округе.

Все соглашались с Джорджем. Тетя Эвви считалась старейшей жительницей Касл-Рока с тех пор, как столетний Арнольд Хиберт, который под конец впал в маразм и беседовать с ним было все равно что с пустой жестяной из-под кошачьего супа, свалился с крыльца местного дома для престарелых и сломал шею.

Тетя Эвви была уже почти такой же старой, как Арни Хиберт, и почти в таком же маразме, но в свои девяносто три она находила достаточно сил, чтобы ежедневно препираться с Джорджем Мирой, и оказалась достаточно сообразительной, чтобы не потерять свой дом, как Арни.

И она неподражаемо предсказывала погоду. В городе все знали, что тетя Эвви никогда не ошибается относительно трех вещей: недели, когда нужно начинать сенокос, какая в этом году уродится черника и какая будет погода.

Однажды в этом июне она подковыляла к своему почтовому ящику (который, как подумал Джордж Мира, перейдет к Вину Мерчену, когда старой болтливой стервы не станет). Она изо всех сил прокричала приветствие (глухота, как это обычно бывает, заставляла ее думать, что все вокруг также глухи) и после прокаркала, что нынешнее лето будет самым жарким за последние тридцать лет. «И в начале, и в конце, – каркала Эвви в полуденной тишине. – И в середине».

– Правда? – спросил Джордж.

– Что-о?

– Я спрашиваю, это правда? – Тете Эвви нужно было кричать в самое ухо.

– Я поцелую свинью, если будет не так! – торжествующе прокаркала тетя Эвви. Пепел ее сигареты упал на плечо форменной блузы Джорджа, выстиранной накануне; он безропотно стряхнул его. Тетя Эвви сунулась в окошко его машины – все лучше, чем вопить ему в ухо.

– Все полевые мыши попрятались в подвалах! Томми Нодье видел у Моссунтик-Понд, как олень чешет свои рога! Трава под снегом осталась зеленой! Зеленой, Мира!

– Неужели? – спросил Мира, поскольку нужно было что-то спросить. У него уже начинала болеть голова.

– Что-о?

– Неужели, тетя Эвви? – заорал Джордж Мира, брызнув слюной в лицо старухе.

– Еще бы! – Тетя Эвви кивнула в полном восторге. – И еще я видела прошлым вечером марево на горизонте. Плохой знак, Мира! Слишком рано наступает жара! Ох, многие умрут от жары этим летом!

– Мне пора, тетя Эвви! – прокричал Джордж Мира. – Нужно отвезти телеграмму Стрингеру Болье!

Тетя Эвви Чалмерс откинула голову и захихикала. Она хихикала, пока не закашлялась, роняя пепел на халат. Она выплюнула последний дюйм сигареты, и он лежал, дымясь, на асфальте рядом с ее туфлей, черной, как кухонная плита, и тесной, как корсет, – туфлей старухи.

– Телеграмму французцу Болье? Да он не сможет прочитать даже надпись на собственном памятнике!

– Мне надо ехать, тетя Эвви! – сказал поспешно Джордж и нажал на газ.

– Француз Болье – самый большой болван из всех, созданных Богом! – прокаркала тетя Эвви в столбе пыли, оставленном машиной Джорджа.

Она постояла возле почтового ящика, глядя ему вслед. Для нее почты не было, как почти всегда. Большинство из ее знакомых, умеющих писать, были уже мертвы. Она собиралась вскоре последовать за ними. Наступающее лето вызывало у нее мрачные предчувствия. Она могла говорить о мышах, прячущихся в подвалах, или о мареве на горизонте, но не говорила ни о жаре, встающей с полей, как чудовищный зверь со спутанной шерстью и красными глазами; ни о своих страшных снах; ни о беспричинных слезах, приходивших к ней по утрам, слезах, которые не несли облегчения, а разъедали глаза, как пот. Она не говорила о ветре, несшем безумие и смерть.

– Джордж Мира, ты – старый пердун, – произнесла тетя Эвви с мягким мэнским выговором, придающим словам одновременно ласковость и язвительность.

Она медленно направилась назад к дому, по пути остановившись и поглядев на небо, еще окрашенное в нежные весенние тона. Но она чувствовала там будущую жару. Будущую смерть.

За год до этого лета, когда старый «ягуар» Вика Трентона начал издавать неприятный лязгающий звук где-то над левым передним колесом, именно Джордж Мира посоветовал ему обратиться в мастерскую Джо Кэмбера на окраине Касл-Рока. «Он очень странно себя ведет в таких случаях, – говорил он Вика тогда, стоя с ним у почтового ящика. – Говорит, что ничего не выйдет, потом все делает как надо, и ты же оказываешься виноватым». Вик еще долго размышлял, правильно ли он понял почтальона, или это какая-то мэнская шутка.

Все же он позвонил Кэмберу, и однажды в июле (гораздо менее жарком, чем следующий) они все вместе – он, Донна и Тэд – отправились туда. Дважды Вику приходилось останавливаться и спрашивать дорогу, и с тех пор он звал эти места не иначе, как восточная глушь.

Пока он заезжал во двор к Кэмберам, переднее колесо лязгало еще сильнее, чем раньше. Трехлетний тогда Тэд сидел на коленях у Донны и улыбался, его всегда веселили поездки на папиной машине.

Во дворе они увидели мальчика лет восьми-девяти, бывшего по мячу старой бейсбольной битой. Мяч отлетал в сторону, стучался о стену сарая, где, как решил Вик, и размещался гараж мистера Кэмбера, и возвращался обратно.

– Добрый день, – сказал мальчик. – Вы мистер Трентон?

– Точно, – ответил Вик.

– Сейчас позову папу, – сказал мальчик и исчез в сарае.

Все трое Трентонов вылезли, и Вик без особого оптимизма поднял крышку и уставился на проклятое колесо.

Быть может, ему придется еще тащить машину в Портленд. Не похоже, что ему здесь помогут.

Его раздумья прервала Донна, испуганно звавшая его. И потом:

– О Боже, Вик!

Он быстро привстал и увидел громадного пса, показавшегося из сарая. В какой-то абсурдный момент он не мог понять, собака это или пони-уродец. Потом, когда пес окончательно вышел из темноты, он разглядел печальные глаза и понял, что перед ним сенбернар.

Донна импульсивно сгребла в охапку Тэда и прижалась к машине, но Тэд бился в ее руках, пытаясь вырваться:

– Ма, дай посмотреть собачку... Ма, дай собачку!

Донна с опаской поглядела на Вика, который в ответ пожал плечами. Тут из сарая вышел тот же мальчик и потрепал пса по голове. Пес завилял необъятных размеров хвостом, и Тэд удвоил свои усилия.

– Мэм, вы можете его отпустить, – вежливо сказал мальчик. – Куджо любит детей. Он его не укусит. – И, обращаясь к Вику: – Папа сейчас придет. Он моет руки.

– Хорошо, – сказал Вик. – Ну и пес у тебя, сынок. Ты уверен, что он не опасен?

– Конечно, – подтвердил мальчик, но Вик все равно подошел поближе к жене с сыном. Куджо смотрел на них, подняв голову, и медленно взмахивал хвостом.

– Вик... – начала было Донна.

– Все в порядке, – сказал Вик с некоторым сомнением.

Казалось, пес мог проглотить Тэда в один присест.

Тэд тоже застыл на мгновение. Они с псом глядели друг на друга.

– Собачка? – вопросительно произнес Тэд.

– Куджо, – уточнил сын Кэмбера, подходя к Тэду. – Его зовут Куджо.

– Ку-уджо, – протянул Тэд, и пес подошел ближе и начал лизать ему лицо своим громадным языком. Тэд хихикал и пытался отвернуться. Потом он повернулся к отцу с матерью, собираясь подойти, но неожиданно споткнулся и упал. В следующий момент пес кинулся к нему одним неуловимым движением, и Вик, обнимавший жену за талию, почувствовал, как у нее перехватило дыхание. Он хотел бежать на помощь... потом замер на месте.

Зубы Куджо осторожно сомкнулись на спинке рубашки Тэда. Он поднял мальчика – в тот момент Тэд походил на котенка в зубах мамы-кошки, – и поставил его на ноги.

Тэд побежал к отцу с матерью:

– Собачка! Па! Ма! Какая хорошая собачка!

Сын Кэмбера наблюдал за этим со снисходительным одобрением, засунув руки в карманы.

– Да, замечательный пес, – сказал Вик. Он успокоился, но сердце все еще билось учащенно. Ведь он едва не поверил, что сейчас сенбернар оторвет его сыну голову, как леденцовому зайцу. – Тэд, это сенбернар.

– Сен... бенар! – крикнул Тэд и побежал назад к Куджо, который теперь разлегся у входа в сарай, словно гора средних размеров. – Куджо! Ку-у-уджо!

Донна опять забеспокоилась:

– Вик, ты думаешь...

Но Тэд уже подбежал к Куджо и обнял его. Теперь он мог заглянуть ему в глаза. Пес улыбался, его язык вывалился изо рта розовой тряпкой.

– Я думаю, все прекрасно, – сказал Вик.

Тэд сунул маленькую ручку в рот Куджо и копался там, как самый юный дантист. Это снова заставило Вика встревожиться, но скоро Тэд опять вернулся.

– У собачки зубы, – сообщил он.

– Ага, – согласился Вик. – Много зубов.

Он повернулся к мальчику, намереваясь спросить его, почему у собаки такое имя, но тут из гаража вышел сам Джо Кэмбер, вытирая руки о кусок ветоши.

Вик был приятно удивлен тем, что Кэмбер оказался мастером своего дела. Пока они ехали в машине Вика до холма и обратно, он внимательно слушал лязгающий звук.

– Передача полетела, – коротко высказался он. – Вам повезло, что машина еще на ходу.

– Можете что-нибудь сделать? – осведомился Вик.

– Ага. Прямо сейчас, если вы подождете пару часиков.

– Конечно, подождем. – Вик оглянулся и поискал глазами Тэда и пса.

Тэд завладел бейсбольным мячом сына Кэмбера и зашвырнул его как можно дальше (впрочем, не так уж далеко). Сенбернар покорно притащил мяч назад, порядком облизав его по пути.

– Ваш пес здорово развеселил моего сына.

– Куджо любит детей, – сказал Кэмбер. – Хотите загнать машину в сарай, мистер Трентон?

«Доктор примет вас там», – подумал Вик, садясь за руль. Вся работа заняла полтора часа, и плата, которую запросил Кэмбер, оказалась вполне приемлемой.

Тэд бегал вокруг, бесконечно повторяя имя собаки:

– Куджо... Ку-у-уджо... эй, Куджо!

Прежде чем они уехали, сын Кэмбера (выяснилось, что его зовут Бретт) даже усадил Тэда на спину Куджо и поддерживал его, пока пес послушно ходил взад-вперед по тропинке. Когда он проходил мимо, Вик поймал его взгляд... и ему показалось, что Куджо улыбается.

Всего за три дня до разговора на повышенных тонах между Джорджем Мирой и старой Эвви Чалмерс маленькая девочка, ровесница Тэда Трентона, встала из-за обеденного стола в Айова-Сити, штат Айова, и сказала:

– Ма, что-то мне нехорошо. Я, наверное, заболела.

Мать поглядела на нее без особого удивления. За два дня до того старший брат Марси пришел из школы с расстройством желудка. У него уже все прошло, но семья провела не самые приятные двое суток, наблюдая, как из Брока извергается все съеденное.

- Ты уверена, детка? - спросила мать.

- Ох, - простонала внезапно Марси и кинулась к двери, прижав обе руки к животу. Мать устремилась за ней, увидела, как она тянет на себя дверь ванной, и подумала: «Ну вот, опять все сначала».

Когда она услышала из ванной характерные звуки, в уме у нее уже прокручивался план действий: в постель, жидкая пища, горшок, книжки. Попросить Брока перенести к ней в комнату телевизор, когда...

Она заглянула в ванную, и эти мысли мгновенно исчезли.

Унитаз, куда стошнило ее четырехлетнюю дочь, был полон крови; кровь забрызгала эмалированные стенки и кафель вокруг.

- О, мама, мне плохо...

Дочь повернулась, ее дочь повернулась, и вокруг рта у нее была кровь, и на подбородке, и на голубом воротничке блузки, кровь, о Господи Иисусе, Иосиф и Мария, как много крови...

- Ма...

Тут ее дочь опять стошнило вязкой кровавой массой, и тогда мать схватила Марси в охапку и вместе с ней бросилась к телефону вызывать «скорую помощь».

Куджо знал, что он чересчур стар, чтобы гоняться за кроликами.

Вообще-то он совсем не был стар, даже для собаки. Но в свои пять лет уже давно не был щенком, который может без усталости гоняться по лесам и полям даже за мотыльком. В пять лет он достиг, как сказали бы о женщине, среднего возраста.

Но шестнадцатого июня солнце припекало, хотя и роса еще не высохла. Жара, которую предсказывала тетя Эвви, уже наступила, и к двум часам Куджо будет лежать в тени во дворе (или в сарае, если Хозяин позовет его туда, когда напьется, а в последнее время это случалось все чаще), спасаясь от зноя. Но это будет позже.

А сейчас он увидел кролика, большого, толстого, с бурой шерстью, который даже не подозревал о его присутствии. Ветер дул в другую сторону.

Куджо стал подкрадываться к кролику скорее из спортивного интереса, чем для того, чтобы утолить голод. Кролик безмятежно угощался клевером, уже подсохшим на солнце за последний месяц. Если бы он заметил Куджо раньше, то успел бы убежать. Но это случилось, только когда между ними было не больше пятнадцати ярдов. Какой-то момент кролик не двигался, превратившись в скульптуру кролика с комично вытаращенными бусинками глаз. Потом он пустился наутек.

Свирепо рыча, Куджо бросился за ним. Кролик был маленьким, а Куджо большим, но пес не отставал. Кролик начал петлять. Куджо изо всех сил догонял, оставляя в рыхлой почве следы когтей и распугивая птиц своим лаем.

Он уже почти настиг кролика, когда тот неожиданно юркнул в какую-то дыру на склоне небольшого холма. Дыра была полускрыта высокой травой, но Куджо не стал колебаться. Он протиснул свое громоздкое тело в узкий лаз, где и застрял, как пробка в бутылке.

Джо Кэмбер владел фермой «Семь дубов» в конце дороги номер три уже семнадцать лет, но он понятия не имел об этой норе. Он мог, конечно, наткнуться на нее, если бы возделывал землю, но он этого не делал. В красном сарае Джо не хранил никаких сельскохозяйственных орудий, там были его гараж и автомастерская. Его сын Бретт часто обходил поля и леса возле дома, но и он ни разу не обратил внимания на эту нору, хотя несколько раз едва не провалился в нее. В ясную погоду нору скрывала тень, а в дождливые дни ее

заслоняла поднявшаяся трава.

Джон Музам, предыдущий владелец фермы, знал о норе, но не сказал о ней Джо Кэмберу, когда тот покупал ферму в шестьдесят третьем году. Он мог упомянуть об этом, когда навещал Джо и его жену, Черити, в семидесятом, после рождения их сына, но вскоре рак свел его в могилу.

А хорошо, что Бретт ничего о ней не знал. Нет ничего увлекательнее для мальчишки, чем дыра в земле, тем более если она ведет в настоящую, пусть и маленькую, известняковую пещеру. Глубина ее доходила до двадцати футов, и маленький мальчик вполне мог залезть внутрь и потом не выбраться. Так уже случилось с некоторыми мелкими животными. Пол пещеры был усеян костями: ондатра, скунс, пара бурундуков, суслик и кот по кличке Чистюля. Кэмберы потеряли его пару лет назад и решили, что его сбила машина или он просто убежал. Но он лежал здесь, рядом с костями полевой мыши, которую преследовал.

Кролик Куджо соскользнул вниз и теперь возился там, мелькая в темноте. Лай Куджо заполнил пещеру, и отразившее его эхо создавало впечатление, что у входа собралась целая стая собак.

Пещера привлекала и летучих мышей – ее известняковые своды были идеальным местом для их дневного сна. Именно в том году среди бурых летучих мышей, которые и обитали в пещере, наблюдалась вспышка бешенства; и поэтому Бретту Кэмберу повезло вдвойне.

Куджо протиснулся в пещеру по плечи. Он отчаянно работал лапами, но без всякого толку. Он мог вылезти и отправиться восвояси, но охотничий азарт еще не прошел. Его глаза, не особенно зоркие, ничего не видели в темноте, но он чувял запахи сырости, помета летучих мышей... и, главное, запах кролика. Горячего и вкусного. Кушать подано.

Его лай вспугнул мышей. Кто-то вторгся в их обиталище, и они всей массой, попискивая, устремились к выходу. Но внезапно их локаторы подали сигнал: выход закрыт. Его заслоняло тело пришельца.

Они кружили в темноте, взмахивая перепончатыми крыльями. Кролик внизу застыл в надежде на лучшее. Куджо понял, что некоторые из мышей пролетели

совсем рядом, и испугался. Ему не нравились их запах и издаваемые ими звуки; еще больше не нравилось исходящее от них странное тепло. Он гавкнул и огрызнулся; челюсти сомкнулись на одном из бурых крыльев. Хрустнули кости, тонкие, как младенческие пальцы. Мышь метнулась и укусила его, оставив на чувствительном носу собаки длинную извилистую царапину, похожую на знак вопроса. Трепещущее тельце умирающей мыши упало на камни, но дело было сделано; укус бешеного животного особенно опасен в области головы, поскольку бешенство – это болезнь центральной нервной системы. Собаки, более уязвимые, чем их двуногие хозяева, не гарантированы от заражения даже вакциной. А Куджо никогда в жизни не делали прививок.

Не зная этого, но ощутив, что он укусил что-то противное и явно нездоровое, Куджо решил: игра не стоит свеч. Мощным рывком он выбрался из пещеры и отряхнулся, разбрасывая вокруг камешки и известняковую пыль. Из раны на носу сочилась кровь. Он сел, поднял голову и горестно завыл.

Летучие мыши коричневым облачком вылетели из своего убежища, метнулись под лучами июньского солнца и поспешили назад. Они были безмозглыми тварями и через несколько минут забыли о лающем пришельце и опять уснули, завернувшись в свои перепончатые крылья, как старухи в шали.

Куджо побрел прочь. Он опять отряхнулся и беспомощно потрогал лапой нос. Кровь уже запеклась, но нос все болел. Самосознание у собак далеко превосходит их умственные способности, и Куджо не хотелось идти домой. Если он сейчас придет туда, кто-нибудь из троицы – Хозяин, Хозяйка или Мальчик – обязательно заметит, что с ним что-то не в порядке. Может быть, они даже назовут его ПЛОХОЙ СОБАКОЙ. А в этот момент он и сам чувствовал, что он ПЛОХАЯ СОБАКА.

Поэтому вместо того, чтобы идти домой, Куджо направился к ручью, отделявшему владения Кэмберов от участка Гэри Педье, их ближайшего соседа. Он вошел прямо в воду и напился, пытаясь избавиться от этого тошнотворного вкуса и смыть с носа грязь и зеленую известняковую пыль, пытаясь прогнать чувство ПЛОХОЙ СОБАКИ.

Мало-помалу ему становилось лучше. Он вылез из воды и отряхнулся, окружив себя мгновенной радугой из водяных брызг.

Чувство ПЛОХОЙ СОБАКИ ушло, но боль в носу осталась. Он пошел к дому поглядеть, не вернулся ли Мальчик. Каждое утро он провожал большой желтый автобус, увозивший Мальчика куда-то, но в последнюю неделю этот автобус, всегда набитый галдящими ребятами, что-то не появлялся. Мальчик сидел дома, а иногда мастерил что-нибудь в сарае вместе с Хозяином. Может быть, сегодня автобус приезжал снова. А может, и нет. Он уже забыл о норе и о противном вкусе во рту и помнил только о боли в носу.

Куджо прокладывал себе путь сквозь заросли травы, провожая взглядом попадающихся на пути птиц, но не пытаясь гнаться за ними. Его охота на сегодня закончилась – он это чувствовал. Он был сенбернаром пяти лет, весил двести фунтов и в этот день, 16 июня 1980 года, заразился бешенством.

Семь дней спустя, за тридцать миль от фермы «Семь дубов» в Касл-Роке, в портлендском ресторанчике под названием «Желтая субмарина», встретились двое мужчин. Заведение предлагало большой выбор сэндвичей, несколько видов пиццы и пепперони. Над стойкой висело объявление, что с того, кто сможет съесть два «подводных кошмара», плата не взимается; ниже какой-то остряк дописал: «Если вас стошнит, вы платите».

Обычно Вик Трентон не отказывался перехватить здесь парочку сэндвичей, но сегодня его мучила такая изжога, что он не рискнул заказать что-либо.

– Похоже, мы увязли в дерьме, – сказал Вик своему собеседнику, который без энтузиазма ковырял вилкой датскую ветчину. Это был Роджер Брикстон, и если уж он ел без энтузиазма, то кто угодно мог понять, что стряслось что-то чрезвычайное. Роджер весил двести семьдесят фунтов, и, когда он садился, казалось, что у него совсем нет коленей. Донна как-то во время их дурашливой постельной возни призналась мужу, что думала, что Роджеру отстрелили колени во Вьетнаме.

– В глубоком дерьме, – подтвердил Роджер. – В таком, что ты даже представить не можешь, старик.

– И ты правда думаешь, что эта поездка что-нибудь решит?

– Может, и нет, – сказал Роджер, – но если мы ее не предпримем, то все пропало. А так, может, и удастся что-нибудь спасти. Нужно подумать. – И он вгрызся в свой сэндвич.

– Перерыв в десять дней может нам повредить.

– Хуже, чем есть, уже не будет.

– Ну конечно. Только не забывай про Кеннебанк-бич.

– Лиза там управится.

– Лиза вряд ли управится даже со своей застежкой от лифчика. Но если и так, нужно срочно запускать новую рекламу «Твоя любимая черника». И еще: ты ведь должен встретиться с этим придурком из Мэнского агентства недвижимости.

– Нет уж, встречайся сам.

– Ладно, встречусь, – сказал сердито Вик. – Я уже у себя в шкафу его воображаю.

– Пускай. Это все ерунда по сравнению с Шарпом. Как ты не понимаешь? Шарп с сыном хотят нас видеть.

От одной мысли о пяти днях в Бостоне и пяти в Нью-Йорке Вика бросало в холодный пот. Когда-то они с Роджером шесть лет проработали в агентстве Эллисона в Нью-Йорке, но теперь Вик жил в Касл-Роке, а Роджер с Элсией – в соседнем Бриджтоне, в пятнадцати милях.

Если бы это зависело от Вика, он бы никогда и не вспомнил о прежней жизни. Никогда раньше он не жил так полнокровно, как здесь, в Мэне. Теперь у него появилось мрачное чувство, что все эти годы Нью-Йорк только и ждал, чтобы, выбрав подходящий момент, опять заграбастать его в свои объятия. Его самолет мог потерять управление и исчезнуть в огненной вспышке. Или такси, в котором он поедет, врежется в опору моста, складываясь в желтую, сочащуюся кровью гармошку. Или случайный грабитель сдуру надавит на спуск вместо того, чтобы просто припугнуть. Что угодно. Если он вернется, этот город убьет его.

– Родж, – спросил он, откладывая почти нетронутый сэндвич, – ты думаешь, мир перестанет вертеться, если мы потеряем заказы Шарпа?

– Мир-то не перестанет, – буркнул Роджер, наливая себе пива, – но я? Мне еще семнадцать лет из двадцати выплачивать рассрочку, и мои двойняшки уже видят себя в Бриджтонском училище. И у тебя своя рассрочка, свой ребенок да еще старый «ягуар», на котором ты когда-нибудь свернешь себе шею.

– Да, но производство...

– Подавится твое производство! – рявкнул Роджер, стукнув стаканом о стол.

Компания из четырех человек, сидевшая за соседним столом, даже заплодировала.

Роджер с признательностью помахал им и опять повернулся к Вику:

– Ты отлично понимаешь, что, потеряв заказы Шарпа, мы пойдем ко дну и не булькнем. С другой стороны, если в следующие два года нам что-нибудь достанется, то мы сможем вписаться в бюджет туристского ведомства или еще куда-нибудь. Это лакомый кусок. Можно, конечно, распрощаться с Шарпом и его вонючими кашами, но это будет значить, что глупые поросята сами выбежали из прочного дома прямо в пасть злому серому волку.

Вик молчал и думал, глядя на свой недоеденный сэндвич. Все это было невесело, но он не боялся невеселых мыслей. Больше всего его донимала полная абсурдность ситуации. Это было как гром с ясного неба. Он, Роджер и «Эд Уоркс» ничего не сделали, чтобы это случилось, и Роджера это тоже угнетало; он мог прочитать это на его круглом лице, которое не выглядело таким бледно-серьезным с тех пор, как они с Элсией потеряли своего малыша Тимоти, когда тому было девять дней. Через три недели после этого Роджер наконец сорвался и зарыдал, закрыв руками свое толстое лицо, так безутешно, что у Вика сдавило сердце. Но тихая паника, поселившаяся в его глазах теперь, была не лучше.

Гром с ясного неба то и дело гремит в рекламном бизнесе. Большой корабль, вроде агентства Эллисона, ворочавшего миллионами, мог его выдержать. Маленький, каким было «Эд Уоркс», – не мог. На одной чаше их весов лежало много мелких яиц, а на другой – одно большое, заказы Шарпа; и теперь осталось

только ждать, рассыплется ли прочие яйца, если убрать это большое. Их вины здесь не было, но это уже никого не интересовало.

Вик с Роджером сработались еще в агентстве Эллисона, шесть лет назад. Вик, высокий, худой и довольно тихий, дополнял своим «инь» шумное и жизнерадостное «ян» Роджера Брикстона. Они сошлись и в личном плане, и в профессиональном. Первое совместное дело было небольшим – журнальная реклама кампании помощи больным церебральным параличом.

На скромном черно-белом плакате маленький мальчик на костылях стоял у бейсбольного поля не то чтобы с печальным, но с каким-то безучастным лицом. Почти довольным. Подпись гласила: «Билли Беллами никогда не возьмет в руки биты». Ниже: «У Билли церебральный паралич». И еще ниже: «Поможете ему?»

Они получили ощутимый гонорар. Жены Вика и Роджера были довольны. Еще полдюжины успешных проектов – и они разработали далеко идущий план, причем Вик в этом тандеме был автором концепций, а Роджер взял на себя роль исполнителя.

Для корпорации «Сони» они соорудили плакат с мужчиной в деловом костюме, сидящим, скрестив ноги, прямо посередине дороги, с блаженной улыбкой и большим приемником «Сони» на коленях. Внизу подпись: «“Полис”, „Роллинг стоунз“, Вивальди, Майк Уоллес, трио „Кингсмэн“, Пэтти Смит, Джерри Фолуэлл. Добро пожаловать!»

Реклама для фирмы «Войт», производящей снаряжение для плавания, изображала человека, представляющего собой полную противоположность «пляжным мальчикам» из Майами. Это был горделиво стоящий на фоне тропического рая пятидесятилетний субъект с татуировкой, солидным брюшком, внушительными мышцами и шрамом на боку. Он держал ласты фирмы «Войт». Внизу можно было прочесть: «Мне еще дорога жизнь, и я не ношу что попало». Внизу было еще много всякого, и Вик с Роджером предлагали написать: «Я не сую куда попало», но им не позволили. Жаль. Вик был уверен, что с таким текстом продажа ластов здорово оживится.

А потом был Шарп.

Когда старый Шарп явился в агентство Эллисона в Нью-Йорке, его кливлендская компания занимала двенадцатое место в пищевой промышленности страны и была крупнее, чем «Набиско» до войны. Старик любил это подчеркивать, на что его сын всегда возражал, что война закончилась тридцать лет назад.

Вик Трентон и Роджер Брикстон получили заказ на базе полугодового договора. Через полгода их работы компания с двенадцатого места передвинулась на десятое. Еще через год, когда Вик с Роджером переехали в Мэн и открыли собственное дело, она была уже на седьмом.

Их реклама отличалась изобретательностью. Для печенья фирмы «Шарп» Вик с Роджером изобрели Вольного Стрелка печеньями, ковбоя-заику, шестизарядный револьвер которого был вместо пуль заряжен печеньями – для каждого особыми: то шоколадными, то овсяными, то имбирными. Каждая реклама заканчивалась тем, что ковбой, стоя над грудой настрелянного им печенья, объявлял миллионам телезрителей: «Хм, бандиты сбежали. Зато осталось печенье. Лучшее печенье в Америке! И на Западе, конечно». После этого он откусывал печенье, и на лице его появлялось выражение, чрезвычайно напоминающее первый оргазм подростка. Конец.

Для тортов – шестнадцать разновидностей всех видов и размеров – Вик изобрел то, что на их жаргоне именовалось «Джордж и Грэйси». Сюжет изображал Джорджа и Грэйси за уставленным всеми возможными яствами обеденным столом посреди громадной, скупо освещенной залы. Джордж, повязанный салфеткой, с вождением смотрел, как Грэйси извлекает из холодильника очередное изделие Шарпа. Они улыбались друг другу с полным взаимопониманием, как две половинки одного общества. Вслед за затемнением на экране появлялись слова: «Порой все, что нам нужно, – это торт фирмы „Шарп“». И больше ни слова. Этот клип даже получил премию.

И еще они придумали Профессора Вкусных Каш, известного как «лучшая рекламная работа в области детского питания». Вик и Роджер не без самодовольства соглашались с этим... но именно Профессор Вкусных Каш теперь подвел их под монастырь.

Профессор, которого играл довольно импозантный актер среднего возраста, был настоящей находкой на фоне слюнявой рекламы жвачки, игрушек, кукол... и каш-конкурентов.

Сюжет начинался в школьном классе, который зрители утренних субботних программ привыкли отождествлять с популярными сериалами из школьной жизни. Профессор Вкусных Каш был одет в костюм, вязаный жилет и рубашку с открытым воротом. В речах и манерах он был крайне авторитарен; Вик с Роджером опросили сорок учителей и с полдюжины детских психиатров и пришли к выводу, что большинство детей лучше воспринимает именно такой стиль – нечто вроде строгого, но справедливого родителя, которого они так редко видели у себя дома.

Профессор сидел за учительским столом в нарочито небрежной позе – юный зритель мог заподозрить в нем родственную душу, – но голос его был весом и серьезен. Он не приказывал. Он не упрашивал. Он не расхваливал свой товар. Он просто разговаривал с миллионами маленьких зрителей, как с реальными собеседниками.

– Доброе утро, дети, – говорил Профессор. – Я хочу рассказать вам про каши. Я знаю о кашах все, потому что я – Профессор Вкусных Каш компании «Шарп». И я скажу вам, что каши компании «Шарп» – самые вкусные каши в Америке. И самые полезные. – Тут он делал паузу и широко, по-товарищески улыбался. – Вы уж мне поверьте, я это знаю. И ваша мама это знает, спросите у нее. Я хочу, чтобы и вы это знали.

В это время к Профессору подходил молодой человек и вручал ему чашку с какой-нибудь из рекламируемых каш. Профессор отправлял ложку в рот и после говорил, глядя прямо в глаза каждому зрителю:

– Ну что ж, все в порядке.

Старик Шарп возражал против последней реплики – его возмущала сама мысль о том, что с его продукцией что-то может быть не в порядке. Вик с Роджером убедили его не рациональными доводами, ведь реклама – это совсем не рациональное занятие. Часто вы делаете то, что считаете нужным, но хоть убей не можете объяснить, зачем вы это сделали. И Вик, и Роджер знали, что последняя реплика таит в себе огромную силу убеждения. Фраза, произносимая Профессором, вносила комфорт и ощущение полной безопасности в этот тревожный мир, где родители разводятся, старшие ребята могут без всякого повода надавать вам по шее, ваша бейсбольная команда то и дело проигрывает, а хорошие парни далеко не всегда побеждают, как это показывают в кино. Так вот, знайте: в этом мире, где так много непорядка, всегда будут каши компании

«Шарп», и они всегда будут самыми вкусными. «Ну что ж, все в порядке».

С некоторой помощью сына Шарпа (впоследствии Роджер заподозрил, что тот хотел присвоить авторство идеи) Профессор Вкусных Каш получил одобрение и появился в субботнем эфире, не миновав и таких популярных еженедельных программ, как «Звездные рыцари», «Штаты глазами Арчи» и «Остров Джиллигэна». Вскоре Профессор стал национальным героем, а его коронная фраза «Ну что ж, все в порядке» вошла в обиход, как и общеизвестные выражения «Будь спок» и «Не бери в голову».

Когда Вик с Роджером решили пойти своим путем, они не стали разрывать отношения ни с кем из прежних заказчиков. Первые шесть месяцев в Портленде оказались довольно-таки беспокойным временем. Тэду только что исполнился год, и Донна с неохотой уезжала из Нью-Йорка, что стало причиной не одного скандала. У Роджера обострилась старая язва, нажитая им в рекламных боях на арене Большого Яблока, – когда они с Элсией потеряли сына, язва накинута на него с удвоенной свирепостью. Элсия, правда, держалась молодцом, хотя были и другие проблемы. Их семьи бывали в Мэне раньше, и вместе, и порознь, но они раньше не могли даже представить, как много дверей здесь оказывается закрытыми перед теми, кто, как говорят в Мэне, приехал «из-за границ штата».

Они бы и не переехали, если бы компания «Шарп» оставила их без поддержки. Переговоры в штаб-квартире компании в Кливленде выявили расхождение позиций: старик не хотел расставаться с Виком и Роджером, а сын (которому было уже за сорок) настаивал, что было бы безумием заказывать рекламу двум парням, забравшимся в глушь, за шестьсот миль от Нью-Йорка. Но тот факт, что «Эд Уоркс» сохранила связь с нью-йоркским рынком рекламы, убедил сына, как и большинство их прежних заказчиков. К тому же старик, предвкушая будущую прибыль, был весьма либерален:

– Что ж, если эти молодые люди собираются перебраться подальше от этого безбожного города, они, по-моему, поступают весьма здраво.

Вот и все. Веского слова старика оказалось достаточно. И еще два с половиной года Вольный Стрелок продолжал стрелять печеньем, Джордж и Грэйси – улыбаться друг другу над очередным изделием Шарпа, а Профессор Вкусных Каш – оповещать детей, что все в порядке. Сюжеты снимались в маленькой независимой студии в Бостоне, и три-четыре раза в год то Роджер, то Вик летали в Кливленд на переговоры с Кэрролом Шарпом и его сыном, который уже

порядком поседел. Прочая их деловая активность в основном ограничивалась сношениями с почтой и телефонной компанией. В целом такая жизнь их устраивала.

И тут появилась «Красная клубника».

Вик и Роджер, конечно, слышали о ней и раньше, хотя ее выбросили на рынок всего два месяца назад, в апреле восьмидесятого. Большинство каш Шарпа были несладкими. Особенно удачной вышла «Смесь всех круп» – вклад компании в производство крупяных изделий. Однако «Красная клубника» призвана была обеспечить продвижение в новую область, переходную от каш к сладким блюдам.

В конце лета «Клубника» успешно прошла испытания в Бойсе, штат Айдахо, Скрантоне, штат Пенсильвания, и на новой родине Роджера – в Бриджтоне. Роджер с содроганием известил Вика, что не позволил двойняшкам отведать этой штуки. «Там больше сахара, чем каши, и все это ужасно напоминает горящий сарай».

Вик тогда кивнул и заметил без всякого намека: «Когда я в первый раз заглянул в пакет, мне показалось, что он полон крови».

* * *

– Ну? – настойчиво спросил Роджер. Он слопал уже половину сэндвича, пока Вик опять прокручивал в уме случившееся. Он все больше и больше склонялся к мысли, что старый Шарп и его сын в Кливленде ждут их появления.

– Думаю, стоит попробовать.

Роджер хлопнул его по плечу:

– Молодец. Теперь ешь.

Но Вик есть не хотел.

Их, как и всех сотрудников компании, пригласили в Кливленд на совещание, которое должно было состояться через три недели после Четвертого июля. Но, помимо этого, в «Эд Уоркс» пришло специальное письмо, составленное в довольно туманных выражениях, из которого Вик понял: сын Шарпа собирается использовать «Клубнику», чтобы окончательно избавиться от их услуг.

Три недели спустя после того, как Профессор на всю страну с энтузиазмом («Ну что ж, все в порядке») расхвалил «Красную клубнику», в больницу поступил первый ребенок. Маленькая девочка, почувствовавшая недомогание, исторгла из себя то, что ее перепуганной матери сперва показалось громадным количеством крови.

Ну что ж, все в порядке.

Это случилось в Айова-Сити, штат Айова. На другой день было отмечено еще семь случаев. На следующий день – двадцать четыре. Каждый раз родители отправляли детей в больницу, заподозрив у них внутреннее кровотечение. Количество заболевших росло как снежный ком – сперва сотни, потом тысячи.

Ни в одном из этих случаев рвота или диарея не вызывались непосредственно «Клубникой», но именно ее обвинили во всем.

А причина была в пищевом красителе, придающем каше красный цвет. Он тоже был безвреден сам по себе, но почему-то человеческий организм не мог его переварить. Один доктор сказал Вику, что если бы какой-нибудь ребенок умер сразу после порции «Клубники», то вскрытие обнаружило бы, что его пищевод красный, как стоп-сигнал. Конечно, это тоже ничего не значило, но у страха глаза велики.

Роджер собирался развить бешеную активность. Он хотел встретиться с теми, кто выпускал ролик, и с самим Профессором Вкусных Каш, который так вошел в роль, что тоже очень тяжело переживал случившееся. Потом – в Нью-Йорк для встречи с деятелями рынка. Все эти две недели в Бостоне и Нью-Йорке им предстояло работать не покладая рук, чтобы умаслить старого Шарпа и его сына. После этого они явятся в Кливленд не с повинной головой, а с планом сражения, призванного дать отпор конкурентам, осмелевшим после «Клубники».

Так было в теории. На практике Вик понимал, что шансы их на успех немногим отличаются от нуля.

У Вика были и другие проблемы. В последние восемь месяцев он замечал, что они с женой медленно, но неуклонно отдаляются друг от друга. Он все еще любил ее, а Тэда просто боготворил, но все происходило как-то само по себе, и он осознавал, что дальше будет еще хуже. Поэтому ему не очень хотелось надолго покидать дом. Он то и дело замечал у жены какой-то странный, ускользающий взгляд. И этот вопрос. Он задавал его себе снова и снова, когда не мог уснуть, а таких ночей становилось все больше. Есть ли у нее любовник? Они не часто спали вместе в последнее время, а он знал, как она это любит. Делала ли она это с другим мужчиной? Он надеялся, что нет, но разве он мог быть уверенным? Сознавайтесь, миссис Трентон, или будете отвечать за последствия.

Он ни в чем не был уверен. Но боялся, что уверенность в чем бы то ни было может разрушить их брак. Он доверял ей и простил бы многое. Но не это. Он не хочет носить рога – дети на улице станут смеяться. И еще...

– Что? – спросил он, оторвавшись от этих мыслей. – Извини, я прослушал.

– Я сказал: «Эта чертова красная каша». Именно так, слово в слово.

– Да-да. Давай выпьем за это.

Роджер поднял стакан с пивом.

– Выпьем, – сказал он.

Гэри Педье сидел возле своего дома у подножия холма «Семи дубов» на дороге номер три через неделю после того, как Вик с Роджером закончили свой невеселый ленч в «Желтой субмарине», выпив коктейль, состоящий из четверти холодного апельсинового сока и трех четвертей поповской водки. Он восседал в тени трухлявого вяза на еле живом складном стульчике и пил водку «Попов» – она была самой дешевой.

Гэри приобрел запас водки в Нью-Хэмпшире, где спиртное было дешевле, во время своего последнего алкогольного рейда. «Попов» и в Мэне стоил недорого, но Гэри всегда ездил в Нью-Хэмпшир – штат, строивший свое благополучие на дешевой выпивке, дешевых сигаретах и туристских аттракционах типа домика Санта-Клауса и «Шести стволов». Нью-Хэмпшир – чудное местечко. Его стол возвышался посреди изрытого, запущенного газона. Не менее запущенным выглядел и дом за его спиной: серый, облупившийся, с дырявой крышей, ставни висели. Труба торчала на фоне неба, как пытающийся подняться пьяница. Один из ставней, оторванный свирепым зимним ветром, все еще свисал с ветвей гибнущего вяза. «Да, – говаривал Гэри, – это не Тадж-Махал, но кому какое дело?»

Гэри этим июньским жарким днем был пьян в стельку. Такое состояние являлось для него привычным. Он знать не знал ни Роджера Брикстона, ни Вика Трентона, ни его жены, он знал только Кэмберов и их пса Куджо, которые жили дальше по дороге номер три. Они с Джо Кэмбером немало выпили вместе, и в один из моментов озарения Гэри вдруг понял, что Джо уже далеко зашел по пути превращения в алкоголика. Сам Гэри двигался по этому пути семимильными шагами.

– Еще немного, и мне на все будет начхать! – сообщил Гэри птицам и ставню, застрявшему в ветвях вяза, и поднял стакан. На его лице отплясывали причудливые тени. За домом кустарник уже поглотил остатки изуродованных автомобилей. Западная сторона дома поросла сплошным узором плюща. Одно из окон было открыто и блестело на солнце, как грязный бриллиант. Два года назад пьяный Гэри зачем-то швырнул в него тумбочкой. Потом он застеклил окно снова – зимой было холодно, но тумбочка так и осталась лежать там, где упала. Один из ящичков торчал из нее, как насмешливо высунутый язык.

В тысяча девятсот сорок четвертом году, когда Гэри Педье было двадцать, он в одиночку захватил немецкую огневую точку во Франции, а потом с шестью пулевыми ранениями десять миль топал в рядах своего взвода, прежде чем лишился сознания. За этот подвиг он был представлен к высшей награде – кресту «За боевые заслуги». В шестьдесят восьмом он рассказал Бадди Торджесону, что выкинул медаль в мусорку. Бадди был шокирован, особенно когда Гэри пояснил, что сперва он пытался утопить ее в унитазе, но она не пролезала в дыру.

Но местные хиппи восприняли этот его поступок с восхищением. Летом шестьдесят восьмого многие из них проводили каникулы в Озерном краю перед возвращением в колледжи, где им предстояло вновь изощряться в акциях протеста.

Когда Гэри поведал о своем поступке Бадди Торджесону, работавшему на станции «Эссо» в Касл-Фолле, сообщение об этом переключалось на страницы местной газеты. Репортеры превратили очередное проявление пьяного бреда Гэри в антивоенный акт, и все хиппи тут же устремились к Гэри, чтобы выразить ему свой восторг.

Гэри показывал им всем только один предмет – свой «винчестер». Он велел им убираться с его территории, обзывал шайкой волосатых говнюков и грозил размазать их кишки от Касл-Рока до самого Фрайбурга. В конце концов они оставили свои попытки, и история постепенно забылась.

Одна из немецких пуль угодила Гэри в правое яйцо; медики соскребли его остатки с подштанников героя. Он не раз говорил Джо Кэмберу, что ему на это начхать. Его выписали в феврале сорок пятого года из госпиталя в Париже с восьмидесятипроцентной пенсией по инвалидности и с золотой побрякушкой на шее. Благодарный город чествовал его Четвертого июля того же года, когда ему был уже двадцать один год, он получил право избирать и быть избранным, и его волосы поседели у корней. Растроганные отцы города освободили его от налога на жилье, и это было хорошо, иначе он потерял бы его уже лет двадцать назад. Морфий, к которому он сперва пристрастился, сменился затем более дешевым спиртным, и никто не мешал ему убивать себя медленно и со всей возможной приятностью.

Теперь, в восьмидесятом, ему было пятьдесят шесть. Он совсем поседел и выносил общество только трех живых существ: Джо Кэмбера, его сына Бретта и их громадного сенбернара Куджо.

Он уселся поудобнее, едва не опрокинув стол, и отхлебнул еще глоток из стакана, позаимствованного в «Макдоналдсе». На стакане была изображена какая-то зверушка ядовито-красного цвета по имени Улыбка. Гэри часто заходил в «Макдоналдс» за дешевыми гамбургерами, а на картинке ему было начхать, будь то Улыбка или чертов Рональд Макдоналд.

Слева от него из травы показалось что-то большое, и в следующее мгновение оттуда вышел Куджо. Увидев Гэри, он приветливо гавкнул и застыл, виляя хвостом.

– Куджо, старый сукин сын, – сказал Гэри. Он отставил стакан и стал рыться в карманах в поисках собачьих бисквитов, которые он всегда держал для Куджо – чертовски хорошего пса.

Он нашел пару в кармане рубашки:

– Сидеть! А ну, сиди!

Как бы он ни был пьян, вид двухсотфунтового пса, послушно садящегося по его команде, не переставал его забавлять.

Куджо сел, и Гэри заметил уродливый порез на собачьем носу. Он швырнул Куджо бисквиты, сделанные в форме костей, и Куджо схватил их на лету. Один упал.

– Хороший пес, – сказал Гэри, протягивая руку, чтобы потрепать Куджо по голове. – Хор...

Куджо заворчал. Это был тихий, почти рефлексивный звук. Он смотрел на Гэри, и в его глазах было что-то далекое и холодное, заставившее Гэри вздрогнуть. Он быстро отдернул руку. С таким псом лучше не шутить. Если вы не хотите остаток жизни проходить с пришитой задницей.

– Что с тобой, парень? – спросил Гэри. Он никогда не слышал, чтобы Куджо на кого-нибудь ворчал. По правде говоря, он просто не верил, что старина Куджо способен на это.

Куджо чуть вильнул хвостом и подошел к Гэри, словно устыдившись своего минутного срыва.

– Вот так-то лучше, – проговорил Гэри, ероша шерсть пса. Стояла чертовская жара, и Джордж Мира говорил, что, по словам старой Эвви Чалмерс, будет еще жарче. Он думал, что все дело в этом. Собаки еще хуже переносят жару, чем

люди. Но все равно странно, что Куджо ворчал на него.

– Давай ешь бисквит, – сказал Гэри.

Куджо подошел к упавшему бисквиту, взял его зубами – при этом изо рта выбежала струйка слюны – и уронил. Он вопросительно поглядел на Гэри.

– Ты не хочешь бисквит? – не веря своим глазам, спросил Гэри. – С каких это пор?

Куджо поднял бисквит и съел.

– Так-то лучше, – повторил Гэри. – Эта жара тебя не убьет. Да и меня тоже, но моему геморрою от этого не поздоровится. Ты об этом знаешь? – Он согнал надоедливого москита.

Куджо улегся рядом со столом, и Гэри опять взялся за свой стакан. Пора было пойти его освежить, как говорят эти суки в кабаках.

– Освежите мою задницу, – сказал Гэри, махнув стаканом куда-то в сторону крыши и залив руку смесью водки и апельсинового сока. – Куджо, видишь эту трубу? Вот-вот рухнет к чертовой матери. Скоро здесь все развалится, и я останусь в чистом поле с голой задницей. Ты это знаешь?

Куджо опять махнул хвостом. Он не понимал, что говорит Человек, но голос был знакомым и успокаивал. Он слушал также разговоры по десять раз в неделю с... Да всегда, сколько он себя помнил. Куджо нравился этот Человек, у которого всегда были вкусные бисквиты. Сейчас Куджо не хотел есть, но, если Человек велит, он будет есть. А потом ляжет здесь и будет слушать его успокаивающий разговор. Но все равно Куджо чувствовал себя плохо. Он ворчал на Человека не из-за жары, а из-за того, что ему было плохо. В какой-то момент ему хотелось даже укусить Человека.

– Поцарапал нос, да? – спросил Гэри. – Кто это тебя? Ондатра? Кролик?

Куджо махнул хвостом. В кустах выводили трели цикады. За домом, в разросшейся жимолости, деловито гудели пчелы. Вроде бы все было, как всегда, но что-то изменилось. Куджо знал это.

– Лучше бы это стряслось с этим олухом из Джорджии или с мистером Рей-Ганом. Пусть хоть все зубы себе повышибут, – проворчал Гэри, вставая. Стул упал и наконец сломался. Если вы предположите, что Гэри Педье на это было начхать, вы не ошибетесь. – Извини, парень.

Он удалился в дом и налил себе еще стакан. На кухне царил хаос пакетов с мусором, пустых жестянок и бутылок от спиртных напитков.

Когда Гэри вернулся с новым стаканом, Куджо уже исчез.

В последний день июня Донна Трентон вернулась из Касл-Рока, где она оставила Тэда в садике и заехала в несколько магазинов. Она устала и запарилась, и вид помятого «форда» Стива Кемпа, расписанного по бокам яркими картинками, внезапно привел ее в ярость.

Эта ярость созревала весь день. Вик за завтраком сказал ей о намечающейся поездке, а когда она начала протестовать – ей совсем не хотелось оставаться здесь с Тэдом на две недели, а то и больше, – он изложил ей причины. Все это напугало ее, а она терпеть не могла пугаться. До этого момента вся история с «Красной клубникой» казалась ей ерундой, не заслуживающей особого внимания.

Потом Тэд завел речь о садике, где его в прошлую пятницу толкнул большой мальчик, некий Стэнли Добсон. Тэд боялся, что этот Стэнли Добсон сегодня опять будет толкаться. Он плакал и цеплялся за нее, когда она высаживала его из машины, и ей пришлось отрывать его пальцы от блузки по одному, чувствуя себя при этом нацисткой: «Ты пойдешь в садик или нет?» – «Йа, майн мама!»

Иногда Тэд казался ей слишком маленьким даже для своих лет, слишком беззащитным. Его пальцы были измазаны шоколадом и оставили на ее блузке коричневые следы, напоминающие кровавые отпечатки в дешевых детективах.

Вдобавок на обратном пути ее «пинто» начал капризничать, будто уловив ее плохое настроение. Потом он исправился, но, похоже, ненадолго и...

...и вот, в довершение всего, явился Стив Кемп.

– Ладно, не бесись, – пробормотала она себе, взяла сумку с покупками и вышла из машины, симпатичная темноволосая и сероглазая женщина двадцати девяти лет. Несмотря на жару, она выглядела сравнительно свежей в блузке-безрукавке и серых коротких шортах.

Она быстро поднялась по ступенькам и открыла дверь. Стив развалился в любимом кресле Вика и потягивал его пиво. Он курил сигарету – на этот раз из своих запасов. На включенном телеэкране мелькнули эпизоды «Главной больницы».

– Их высочество прибыли, – сказал Стив с приятной и в то же время опасной улыбкой. – Я уж думал, что ты никогда не...

– Выметайся-ка отсюда, сукин сын, – проговорила она, не повышая голоса, и прошла на кухню. Она поставила сумку на стол и начала выкладывать из нее покупки. Она не помнила, когда в последний раз ее охватывала такая злость, что желудок стягивался тугим ноющим узлом. Быть может, во время бесконечных споров с матерью. Когда Стив подошел сзади и легонько обнял ее, коснувшись обнаженного живота, она отреагировала мгновенно и почти не раздумывая, заехав ему локтем в грудь. Ее гнев не остыл от того, что локоть ударился словно о каменную стену – Стив Кемп долго и упорно играл в теннис.

Она повернулась и посмотрела в его ухмыляющееся лицо, обрамленное бородой. Ее рост был пять футов одиннадцать дюймов – на дюйм выше Вика, но в Стиве было почти шесть футов пять дюймов.

– Ты что, не слышишь? Я хочу, чтобы ты убрался!

– Почему же? – удивился он. – Малыш как раз сшибает яблоки с головы воспитателя из лука... или чем там они в саду занимаются... А любящий супруг трудится в офисе... и самое время их высочеству и странствующему поэту позвонить в колокола сексуальной гармонии.

– Ты оставил машину у подъезда, – сказала Донна. – Почему бы тогда не написать на боку: «Я приехал трахаться с Донной Трентон» – или что-нибудь еще похлеще?

– У меня алиби. – Стив продолжал улыбаться. – Я привез тебе гардероб, дорогая.

– Оставь его на крыльце. Я выпишу чек.

Улыбка погасла. Теперь она могла разглядеть подлинного Стива Кемпа, и он ей совсем не понравился. Ее бросало в дрожь от мысли, что она спала с ним. Она лгала Вику, чтобы залезть в постель с этим типом. Теперь все это в прошлом. Но остался Стив Кемп – небезызвестный поэт, реставратор и торговец мебелью, хороший игрок в теннис, прекрасный любовник и... подлец.

– Ты серьезно? – спросил он оторопело.

– Ну конечно, кто же откажет неотразимому Стивену Кемпу! Это, должно быть, шутка. Но я не шучу. Так что давай-ка, неотразимый Стивен Кемп, сгружай свой гардероб, бери чек и уматывай.

– Не говори со мной так, Донна. – Его рука потянулась к ее груди и больно сдавила ее. К ее гневу прибавился легкий страх, но разве она не чувствовала нечто подобное, пока продолжалось эта постыдная связь? Она отбросила его руку.

– Не надо со мной так, Донна. – Он больше не улыбался. – Это чертовски опасно.

– Да что ты?! – Страх только усилил ее гнев. Его лицо густо поросло черной бородой, и, глядя в него, она внезапно осознала, что, хотя она хорошо разглядела его пенис – и даже держала его во рту, – ей ни разу не удавалось как следует заглянуть ему в лицо. – Разве не ты сюда приперся?

– Я говорю о том, – сказал он, – что ты немного расслабилась, а когда я стал не нужен, выгоняешь меня. Так? Тебе ведь нет никакого дела до моих чувств.

– Не дыши на меня, – сказала она и, оттолкнув его, стала ставить в холодильник молоко.

Он не ожидал толчка и неуклюже отступил назад. На лбу его внезапно проступили морщины, на скулах заходили желваки. Иногда она видела его таким на теннисном корте, когда он пропускал легкую подачу. Она несколько раз наблюдала, как он играет, и однажды он легко обставил ее мужа – и всякий раз в такие моменты у нее возникали сомнения относительно ее отношений с

ним. Он опубликовал два десятка стихов в разных журналах и выпустил в Батон-Руж книжку «Волшебный закат». Он окончил университет в Нью-Джерси, любил рассуждать о современном искусстве, об угрозе ядерной войны и о фильмах Энди Уорхола.

Теперь он подошел, взял ее за плечи и повернул к себе лицом. Пакет молока вырвался из ее рук и с треском ударился об пол.

- Ну вот, погляди, - сказала Донна. - Только этого не хватало.

- Слушай, хватит со мной шутить. Ты...

- Убирайся отсюда! - рявкнула она прямо ему в лицо. Слюна брызнула ему на лоб и щеки. - Что тебе от меня нужно? Уходи! Поищи себе другую дуру!

- Ах ты дешевая сучка, - сказал он злобно, не выпуская ее плеч.

- И забирай свой гардероб. Можешь выкинуть его на помойку.

Она наконец вырвалась и пошла к раковине, чтобы взять тряпку. Руки ее дрожали, желудок выворачивало. Внезапно она подумала, что сейчас ее стошнит.

Она встала на четвереньки и принялась подтирать пролившееся молоко.

- Ты думаешь, что из себя представляешь что-то? - сказал он. - Неужели твоя дырка слишком хороша для меня? Вспомни, как ты извивалась и просила: «Еще! Еще!» Помнишь?

- Забудь об этом, подонок, - сказала она, не поднимая глаз. Волосы упали ей на лицо, и она была этому рада. Ей не хотелось, чтобы он заметил ее бледность. Все происходящее казалось ей каким-то кошмаром. Как будто, посмотрев в зеркало, она увидела в нем старую, ухмыляющуюся ведьму. - Уходи, Стив. Я не хочу тебя видеть!

- Ну и что? Позвонишь шерифу Баннермэну? «Здравствуйте, шериф. Это жена мистера Бизнесмена. Тут парень, с которым я трахалась, не хочет уходить. Вы не

могли бы забрать его отсюда?» Ты это скажешь?

Она вновь почувствовала страх. До замужества она работала библиотекарем в Уэстчестерской школе и всегда боялась, когда ей приходилось говорить – почти кричать – детям, чтобы они успокоились. Они всегда слушались, но ее постоянно мучил страх: что, если они однажды откажутся повиниться? Что тогда? Этот вопрос мучил ее даже по ночам. Она боялась кричать и делала это только в самых крайних случаях. Крик казался ей какой-то дикостью. Когда тебя не слушают, остается только кричать.

Сейчас страх был сродни тому же. На его слова ответом мог быть только крик. Но кричать ей не хотелось.

– Уходи, – повторила она. – Пожалуйста. Между нами все кончено.

– А если я не уйду? Если я сейчас оттрахаю тебя прямо здесь, на полу, в этой луже молока?

Она взглянула на него сквозь сетку волос. Лицо ее оставалось бледным, и глаза казались огромными.

– Тогда тебе придется попотеть. И если я только смогу выцарапать тебе глаза, то не стану раздумывать.

Прежде чем снова опустить глаза, она заметила, что он колеблется. Он знал, что у нее хорошая реакция. Он мог обыграть ее в теннис, но даже для этого приходилось попотеть. Насчет глаз она, пожалуй, привирает, но царапины на лице тоже не украсят его. Хочет ли он заходить столь далеко? Она чувствовала в воздухе кухни какой-то едва уловимый запах, дикий и грубый, и поняла, что это смесь ее страха и его злости, источаемых их порами.

– Отвезу гардероб назад, – сказал он наконец. – Отчего бы тебе не послать за ним любящего супруга? У нас с ним найдется, о чем потолковать.

После этого он повернулся и так хлопнул входной дверью, что едва не разбил стекло. Через мгновение послышались гудение фургона и скрежет шин – это он выезжал на дорогу.

Донна медленно закончила вытирать молоко, поднимаясь время от времени, чтобы отжать тряпку. Она смотрела, как струйки молока уплывают в водосток. Она вся тряслась, отчасти от пережитого страха, отчасти от облегчения. Вряд ли она расслышала угрозу Стива. Она только снова и снова восстанавливала в памяти цепь событий, приведших к этой уродливой сцене.

Она всегда считала, что ее интрижка с Кемпом началась без всяких видимых причин – как прорыв сточной трубы. Такие сточные трубы протекают почти под всеми счастливыми браками в Америке.

Она не хотела переезжать в Мэн и протестовала, когда Вик выложил ей эту идею. Несмотря на то что они не раз проводили здесь отпуск, она всегда считала этот штат лесной глушью, где зимой лежит снег глубиной в двадцать футов и люди оказываются отрезанными от внешнего мира. Ее пугала мысль о переезде в подобное место с маленьким ребенком. Она уже рисовала – себе и Вику – картину снежных бурь, разделяющих Портленд, где может оказаться он, и Касл-Рок, где останется она. Донна заявила, что в такой ситуации ей останется только наглотаться таблеток или сунуть голову в духовку. Может быть, часть ее существа таким образом противилась отъезду из суматошного и бешеного Нью-Йорка.

И все же не это было самым худшим. Хуже всего был страх, что «Эд Уоркс» может лопнуть и они вернутся назад с поджатым хвостом. Этого не случилось, потому что Вик с Роджером работали не покладая рук. Но это значило, что большую часть дня она оставалась одна с ребенком, без всякой помощи.

Своих близких друзей она могла пересчитать по пальцам. В них она была уверена, но вообще-то она никогда не сходилась с людьми легко. Поэтому после переезда новых друзей она не завела.

«Я становлюсь Примерной Американской Хозяйкой, – думала она долгими зимними днями, наблюдая за падающим снегом. – Сижу дома, готовлю Тэду любимые тосты с сыром и суп на обед, смотрю дурацкий телевизор». Можно было сходить в гости к Джоани Уэлш, у которой была дочка возраста Тэда, но эти визиты всегда давались ей с трудом. Джоани была на три года старше Донны и на десять фунтов тяжелее. Казалось, это ее совсем не гнетет. Она говорила Донне, что муж любит ее и такой.

Иногда «трубы» прорывало. Она ссорилась с Виком по пустякам, чтобы не думать о более серьезных вещах, которые было трудно определить словами – страх, утрата, старение. Быть может, одиночество. Она слышала по радио песню, которую помнила со школьных лет, и вдруг начинала плакать. Ее не покидало чувство вины перед Виком – ведь он был рыцарем, отважно сражающимся за благополучие с семейным гербом на щите, – и она послушно нянчилась с Тэдом, утешала его, когда он плакал, и выслушивала его детские вопросы, на которые не так-то легко ответить.

И она все чаще задумывалась о том, что будет, когда Тэд вырастет. В прошлом году он три дня в неделю проводил в детском саду «Джек и Джил»; в этом на пять дней в неделю отправлялся в сад-лагерь. Когда его не было, дом становился ужасающе пустым. Двери напоминали открытые рты, лестничные спуски – жадные глотки. Пустые комнаты оборачивались ловушкой.

Поэтому она мыла полы, которые и так блестели, и думала о Стиве Кемпе, с которым позволила себе легкий флирт. Стив переехал однажды в город откуда-то из Виргинии и открыл здесь торговлю антикварной мебелью. Не раз она ловила себя на том, что сидит перед телевизором и не знает, что там идет, думая о том, как его загар контрастирует с белой тенниской, или о том, как смешно оттопыривается его задница, когда он бежит по корту. И в конце концов...

Она почувствовала спазмы в желудке и побежала в ванную, зажав руками рот. Ее стошнило. Она невидящими глазами уставилась на рвоту, и ее стошнило еще раз.

Когда желудок чуть отпустило (но ноги по-прежнему были ватными), она посмотрела на себя в зеркало. Лицо было совсем белым, глаза покраснели. Волосы сбились в бесформенный комок. Она подумала, что станет такой в старости... совсем скоро, и в ужасе поняла, что, если бы Стив Кемп сейчас был здесь, она бы позволила ему себя взять – только бы он обнимал ее и целовал, и уговаривал не бояться, и говорил, что время – это миф, а смерть – всего лишь сон.

Из ее груди вырвался звук, напоминающий хриплое рыдание, – совершенно безумный звук.

Она уронила голову и расплакалась.

Черити Кэмбер сидела на двуспальной кровати, которую делила со своим мужем Джо, и смотрела на что-то, что держала в руках. Она только что вернулась из магазина, где в то время была и Донна Трентон. Теперь ее руки, ноги, щеки похолодели, словно она слишком долго шаталась с Джо на снегоходе, но завтра было первое июля, и снегоход стоял в сарае, дожидаясь зимы.

«Не может быть. Это какая-то ошибка».

Но в этом не было никакой ошибки. Она вертела это так и сяк, и все сходилось.

«Ну что ж, это со многими случается. Ведь так?»

Со многими. Но с ней?

Она слышала, как Джо заколачивает что-то у себя в сарае – этот звук разносился сквозь жару, как удар колокола. Потом пауза и сердитое «ч-черт!».

Молоток ударил еще раз, и снова наступила пауза. Потом муж завопил:

– Бретт!

Она всегда немного пугалась, когда он звал сына таким голосом. Бретт любил отца, но Черити никогда в точности не знала, какие чувства испытывал к сыну сам Джо. Странно, но это было так. Один раз, два года назад, ей приснился страшный сон, который она так и не смогла забыть. Ей снилось, что ее муж воткнул вилы прямо в грудь Бретту и их зубья вышли у мальчика из спины, приподняв его рубашку, как колышки – палатку. «Маленький засранец не пришел, когда я звал его», – сказал муж во сне, и она в ужасе проснулась рядом с реальным мужем, который мирно спал, напившись пива. Лунный свет падал на нее через окно, и в его призрачных лучах она испугалась того, что лежало рядом с ней, – монстра с желтыми острыми зубами, посланного ей в наказание каким-то сердитым Богом. Джо не раз поднимал на нее руку, и она обычно беспрекословно слушалась его. Бретт рос таким же. Но иногда она просто боялась за мальчика.

Она подошла к окну и увидела, как Бретт бежит к сараю. Следом трусил с обалделым видом Куджо.

Тихо: «Подержи это, Бретт».

Еще тише: «Сейчас, папа».

Снова начался стук молотка, немилосердный колокольный звон: «Бом! Бомм! Боммм!» Она представила, как Бретт держит какую-нибудь заклепку. Муж мусолит «Пэлл-Мэлл» в углу своего тонкого рта, рукава рубашки засучены, он орудует пятифунтовым тяжелым молотком. И если он пьян... если он промахнется хоть на сантиметр...

Она уже воображала захлебывающийся крик Бретта, когда молоток превратит его руку в красное месиво, и закрыла глаза.

Потом опять посмотрела на вещь, которую держала в руке, и подумала о том, как ее можно использовать. Больше всего на свете она хотела съездить в Коннектикут – повидать свою сестру Холли. Она не была там уже шесть лет, с лета семьдесят четвертого года, – она хорошо помнила то лето, очень тяжелое для нее, кроме этой восхитительной поездки. «Тогда начались все эти ночные странности Бретта – кошмары, крики и, чаще и чаще, хождение во сне. И в то же лето Джо опять начал пить. Сомнамбулизм Бретта в конце концов прошел. Пьянство Джо – нет.

Бретту тогда было четыре года, теперь ему исполнилось десять, и он вряд ли помнил тетю Холли, которая шесть лет назад вышла замуж. Теперь у нее уже были мальчик, названный по имени мужа, и совсем маленькая девочка. Черити их еще не видела – только на фотографиях, которые сестра прислала по почте.

Она боялась сказать об этом Джо. Он устал слушать ее просьбы на этот счет, и, если она попросит еще раз, он может ее ударить. Последний раз она заводила разговор насчет Коннектикута шестнадцать месяцев назад. Он отказался – ему неплохо жилось и в Касл-Роке. Каждый год он с Гэри Педье и другими приятелями отправлялся на север к Мусхеду поохотиться на оленей. Следующей осенью он собирался взять с собой и Бретта. Она не хотела отпускать Бретта на две недели с этими типами, чтобы он слушал их похабные шуточки и наблюдал, в каких скотов превращаются мужчины от непрерывного пьянства. И к тому же у

всех заряженные ружья. Рано или поздно это кончится плохо. Пускай, но без ее сына. Без Бретта.

Молоток медленно, ритмично колотил по металлу. Потом замолчал. Она слегка расслабилась.

Она знала, что рано или поздно Бретт все равно уйдет с ними и она для него исчезнет. Он вступит в их клуб, и она для него тоже станет всего лишь кухаркой и прачкой. Да, этот день придет, но она хотела отдалить его насколько возможно.

Быть может, ей удастся удержать его дома хотя бы этой осенью? Во всяком случае, было бы неплохо до этого съездить с Бреттом в Коннектикут. Показать ему, как живут...

ага, показать ему и посмотреть самой...

как живут приличные люди.

Если Джо отпустит их... Но думать об этом не имело смысла. Джо мог уезжать куда хотел, один или с друзьями, а она не могла, даже с Бреттом. Таково было одно из главных правил их брака. Поэтому она не могла даже подумать, как хорошо было бы в Коннектикуте без него, сидящего у Холли на кухне, где он наливался бы своим пивом и бесцеремонно оглядывал мужа Холли своими карими глазами...

Вдвоем с Бреттом.

Можно даже на автобусе.

Она подумала: «Он хочет, чтобы Бретт в ноябре отправился с ним на охоту. Может быть, заключить сделку?»

Ее пробрал холод: действительно ли она согласна на такую сделку?

Денег теперь хватало, но дело не только в деньгах. Деньги он заберет, и она их больше не увидит. Поэтому нужно выкладывать карты сразу же. Прямо сейчас.

Мысли побежали быстрее. Стук молотка прекратился. Она увидела, как Бретт выходит из сарая, и вздохнула с облегчением. Что-то подсказывало ей, что в этом темном месте, заваленном всякими железками, его в любой момент может подстергать опасность.

Нужно найти выход.

Если только у нее хватит смелости.

В руке она держала лотерейный билет и глядела на него снова и снова, еще не веря своей удаче.

* * *

Стив Кемп вернулся к себе в магазин в состоянии бешенства, доходящего до экстаза. Магазин находился в западных пригородах Касл-Рока, на дороге номер одиннадцать. Он снял помещение у местного фермера, которого про себя называл Козлина.

В магазине господствовал громадный железный бак, в котором Стив варил лак; размеры бака позволяли сварить в нем целую конгрегацию миссионеров. Вокруг теснились питомцы Стива: бюро, гардеробы, чайные столики, книжные шкафы. Воздух пропитывали ароматы краски и лака.

В сумке у него была смена белья: он планировал переодеться после сеанса любви с этой сучкой. Теперь он швырнул сумку в угол. Она пролетела через все помещение и плюхнулась на гардероб, как дохлая крыса. Он постоял, тяжело дыша, вдыхая едкие запахи, рассеянно глядя на три стула, которые обещал закончить к концу недели. Его пальцы сжались в кулаки. Нижняя губа отвисла. Он был похож на описавшегося младенца.

– Сука! – выдохнул он и пошел за сумкой. Сперва он хотел швырнуть ее еще раз, потом изменил свое намерение. Он взял сумку и прошел через магазин в комнаты. Там было еще жарче. Чертова жара! В кухне куча грязной посуды. Вокруг зеленого пакета с мусором жужжат мухи. В комнате главным предметом был большой старый черно-белый «Зенит», подобранный им на свалке. На

телевизоре мертвым сном спал громадный полосатый кот по кличке Берни Карбо.

Писал он обычно в спальне. Постель была разбросана, простыни давно следовало бы сменить. Независимо от того, как часто он имел дело с женщинами (а в последние две недели на этом фронте стояло полное затишье), он мастурбировал почти каждый вечер. Он считал это симптомом творческой активности. Напротив кровати стоял стол с «Ундервудом» старого образца. Вокруг машинки громоздились стопки рукописей. Он много писал – стихи, рассказы, сюрреалистическая пьеса, где все персонажи обходились девятью словами, и роман, где одно событие рассматривалось с пяти точек зрения. Уже пять лет он не жил в одном месте достаточно долго, чтобы распаковать все свои бумаги.

В прошлом декабре во время бритья он обнаружил у себя в бороде седину. Это открытие повергло его в глубочайшую депрессию, не проходившую еще несколько недель. Он отчаянно скреб щеки бритвой, словно это могло стереть седину. Тридцать восемь лет. Он гнал мысли о старости, но порой они заходили с тыла и наваливались на него, когда он меньше всего этого ждал. Через семьсот дней ему будет уже сорок.

«Вот сука», – думал он снова и снова.

Он бросил в своей жизни несчетное количество женщин, но его самого бросали всего два или три раза. Он всегда чувствовал, когда это должно произойти, и брал инициативу в свои руки. Бросай первым, как в карточной игре, – и не будешь думать о возрасте. Он видел, что Донна охладевает к нему, но ему казалось, что ею можно без труда манипулировать, сочетая секс с психологией. Со страхом, если придется. Поэтому то, что случилось, вызвало у него боль и ярость, как будто его выпороли.

Он разделся, сунул бумажник и мелочь из брюк в ящик стола и пошел в ванную. Приняв душ, он почувствовал себя лучше. Он натянул джинсы и легкую фланелевую рубашку и задумался.

В бумажнике Стив Кемп хранил визитные карточки. Он всегда любил их – и свои, и, как ни странно, чужие. Как-то, когда они с Донной занимались любовью, он заметил на телевизоре визитные карточки ее мужа. Когда Донна вышла в

ванную или куда-то еще, он позаимствовал одну. Для коллекции.

Теперь он открыл бумажник и начал рыться в нем. Так, карточки его агентов, издателей, бизнесменов. Он подумал было, что обронил карточку любящего супруга. Но она просто затерялась среди мятых купюр. Он выудил ее. Синие буквы на белом фоне. Ничего лишнего. Скромные, но со вкусом.

Роджер Брикстон «Эд Уоркс»

Виктор Трентон

1633 Конгресс-стрит телекс: ЭД УОРКС

Портленд, Мэн 04001 тел.: (207) 789-8600

Стив взял листок бумаги и освободил на столе место. Посмотрел на пишущую машинку. Нет. Шрифт каждой машинки индивидуален, как почерк. У этой запала буква «А».

Конечно, полиции бояться нечего, но осторожность не помешает. Дешевая бумага, какой полно в любом офисе, и никаких машинок.

Он взял из кофейной банки на столе чертежный карандаш и написал большими печатными буквами:

ПРИВЕТ, ВИК!

У ТЕБЯ ЧУДЕСНАЯ ЖЕНА.

Я ТРАХАЛ ЕЕ, ПОКА ДЕРЬМО НЕ ПОЛЕЗЕТ.

Он прервался, зажав карандаш в зубах. Так, уже лучше. Конечно, она может оправдаться, и Трентон не поверит этому письму. Слова всегда значат мало.

Нужно что-то добавить. Что?

Внезапно он улыбнулся; когда он улыбался, лицо его казалось безмятежным и было ясно, что женщины никогда не доставляли ему особых огорчений.

Он дописал:

ТЫ ВИДЕЛ У НЕЕ РОДИНКУ НА ЛОБКЕ?

ЛИЧНО МНЕ ОНА НАПОМИНАЕТ

ЗНАК ВОПРОСА. А У ТЕБЯ ЕСТЬ ВОПРОСЫ?

Хватит – хорошего понемногу, как любила говорить его мать. Он отыскал конверт и сунул в него послание. После некоторых колебаний вложил туда же визитную карточку и теми же квадратными буквами надписал адрес – Вику на работу. Подумав, решил проявить снисхождение и ниже подписал: «Лично».

Он положил письмо на подоконник и откинулся на стуле, снова чувствуя себя прекрасно. Он был уверен в правильности своих действий.

Снаружи прогудел грузовик. Он выглянул в окно. В кузове возвышался старинный кабинет. Что ж, прекрасно. Лишние деньги никогда не помешают. Только вот хватит ли у него времени? Получив письмо, любящий супруг наверняка захочет с ним разобраться. Стив играл с ним в теннис и запомнил худобу, большие очки и тонкие, как спагетти, руки, но, имея дело с подобными людьми, никогда нельзя быть уверенным, что они не выхватят из кармана пушку и не совершат антиобщественный поступок. Поэтому лучше пока смотаться в Огайо. Или в Пенсильванию. Или в Таос, штат Нью-Мексико. Но поскольку он был из тех шутников, что любят подлить масла в огонь, то решил еще немножко подождать и проследить за событиями.

Водитель грузовика с женой зашли в магазин. Стив, улыбаясь, вышел к ним, держа руки в карманах. Женщина немедленно улыбнулась в ответ.

– Привет, чем могу помочь? – спросил он, про себя решив отправить письмо сразу же после их ухода.

В тот же вечер, когда красное солнце уже нависло над горизонтом, Вик Трентон в рубашке, обернутой вокруг талии, копался в недрах «пинто», принадлежащего его жене. Донна стояла рядом, выглядя удивительно юной и свежей в белых шортах и красной безрукавке. Тэд в одних трусиках без усталости гонял по двору на велосипеде.

– Попей чаю, – сказала Донна Вику.

– Угу. – стакан исчез за капотом машины. Вик сделал пару глотков и, не глядя, сунул стакан жене. Она успела его подхватить.

– Bravo, – сказал он. – Прекрасная реакция.

Она улыбнулась:

– Я просто знаю: уж если ты чем-то занят, то все. Гляди в оба и только успевай ловить.

Они улыбнулись друг другу. «Хороший момент», – подумал Вик. Может, виной тому его воображение, но ему казалось, что таких моментов в их жизни становилось все меньше. Перебранки по пустякам, холодное молчание или – что еще хуже – полное безразличие. Он не знал причины, но был признателен и за эту улыбку.

– Так что там с моим гробом на колесах?

– Карбюратор. – Вик ткнул в нужном направлении отверткой. – Похоже, клапан отходит.

– А это плохо?

– Да нет, – сказал он, – только в любую минуту он может полететь. Этот клапан контролирует поступление бензина, а без бензина машина не поедет. Закон

природы, малышка.

- Па, ты меня покачаешь?

- Да, подожди немного.

- Я буду сзади.

И Тэд устремился к качелям, стоящим за домом. Вик соорудил их прошлым летом, обложившись планами и прикладываясь в процессе работы к джинну с тоником под аккомпанемент транзистора. Тэд, тогда еще трехлетний, молча сидел рядышком и смотрел на отца, обхватив ладонями подбородок. Это было хорошее лето, не такое жаркое. Казалось, что и Донна наконец поняла, что Мэн, Касл-Рок, «Эд Уоркс» не так уж плохи.

Но потом все покатило под откос, и хуже всего было чувство безысходности, иногда возникающее у них обоих. Вещи в доме стали менять места, будто сдвинутые чьей-то невидимой рукой. У него возникло дурацкое ощущение, что Донна слишком часто меняет простыни. Они всякий раз казались совершенно свежими, и однажды в его голове эхом всплыл старый как мир вопрос: «Кто спал в моей кровати?»

Но теперь положение немного исправилось. Если бы не дурацкое дело с «Красной клубникой» и не предстоящая поездка, он бы даже мог решить, что лето выдалось на славу. Оно еще могло таким стать. Не все потеряно. Он верил в это, хоть и слабо.

- Тэд! - крикнула Донна. - Ставь велосипед в гараж.

- Ну ма-ам!

- Давай-давай, сударь.

- Су-удырь, - повторил Тэд и рассмеялся. - Мам, а ты тоже не ставишь машину в гараж.

- Мою машину папа чинит.

- А...

- Слушай маму, Тэдди, - вмешался Вик из-под капота. - Я скоро закончу.

Тэд влез на велосипед и покатыл в гараж, сопровождая передвижение громким воем наподобие сирены.

- Ты что, уже все? - спросила Донна.

- Я только посмотрел. У меня нет инструментов. Если я попытаюсь влезть туда, может получиться хуже.

- Ч-черт, - сказала она с досадой и пнула колесо. - Как бы не застрять где-нибудь в дороге. - «Пинто» был еще совсем новый и успел наездить не больше двадцати тысяч миль.

- Это тоже закон природы, - сказал Вик, завинчивая шурупы.

- Наверное, придется свозить его в Сауз-Пэрис, пока тебя не будет. Как ты думаешь, он доедет?

- Доедет, но я не советую. Езжай лучше к Джо Кэмберу. Это всего семь миль отсюда, а делает он хорошо. Помнишь то колесо в «ягуаре»? Он взял всего десять долларов. Если бы я поехал в Портленд, меня бы распотрошили там, как кролика.

- Этот тип заставил меня поволноваться, - заметила Донна.

- Как это?

- Больно уж у него глаза озабоченные.

- Дорогая, я думаю, у него немало забот, - улыбнулся Вик.

- Но это не повод, чтобы так пялиться на женщину. Он просто раздевал меня глазами. - Она помолчала, глядя на закатный свет, и опять посмотрела на него. -

У некоторых людей такой вид, будто они подставляют всех встречных женщин на роль в порнофильме.

У него опять возникло неприятное чувство. Он не спал с ней уже месяц, и сегодня ему тоже не хотелось.

– Он же безвреден. У него жена, сын...

– Да, наверное. – Но она скрестила руки на груди и спрятала локти в ладони, что выдавало волнение.

– Ну, как хочешь, – сказал он. – Я могу сам отогнать машину туда в субботу, если хочешь. Может, он согласится починить ее сразу же. Я еще пива с ним выпью и на собаку посмотрю. Помнишь того сенбернара?

Донна усмехнулась:

– Даже имя помню. Как он обслюнявил Тэда. Ты помнишь?

Вик кивнул.

– Тэд потом не отходил от него. «Ку-уджо. Эй, Ку-уджо!»

Они рассмеялись. Вик со стуком захлопнул капот.

– О-о-о, балда! – простонала она. – Там же стоял твой чай!

У него был такой комично-растерянный вид, что она не выдержала и рассмеялась. Через минуту он присоединился к ней. Наконец они в изнеможении упали друг другу в объятия, как двое пьяниц. Тэд даже прибежал посмотреть, что случилось. Убедившись, что все в порядке, он тоже начал смеяться.

А в это время в двух милях от них Стив Кемп опускал письмо в почтовый ящик.

* * *

Позже, когда солнце зашло, жара немного спала и в воздухе закружились первые светляки, Вик качал сына на качелях.

- Выше, папа! Выше!

- Еще немного, и ты сделаешь «мертвую петлю».

- Выше! Выше!

Вик толкнул качели прямо к небу, где уже зажигались первые звезды. Тэд радостно завизжал:

- Ух ты, здорово! Качни еще!

Вик снова толкнул качели.

Тетя Эвви жила неподалеку, и радостно-испуганные крики Тэда были последними звуками, которые она услышала перед смертью. Ее сердце внезапно толкнулось наружу; стены комнаты пошатнулись; чашка кофе выпала из рук. Сначала ей показалось, что ребенок кричит от радости, но, когда она вместе со стулом начала опрокидываться назад, этот крик показался ей криком боли, криком агонии; потом все пропало, и когда на другой день племянница зашла ее проведать, кофе остыл, сигарета превратилась в столбик пепла, а вставная челюсть торчала из раскрытого рта, как пожелтевший частокол.

Тэд с Виком сидели на крыльце. Тэд пил молоко, Вик – пиво.

- Па!

- Что?

- Не уезжай.

- Я скоро вернусь.

- Да, но...

Тэд смотрел вниз, пытаясь не зареветь. Вик положил ему руку на плечо:

- Что с тобой такое?

- Кто будет отпугивать монстров от моего шкафа? Мама не знает нужных слов! Только ты знаешь! - На этот раз он не сдержал слез.

- И это все? - спросил Вик.

Слова, отпугивающие монстров (Вик сперва назвал их Заклинаниями, но Тэд не знал этого слова), появились в конце весны, когда Тэду стали мерещиться ночные страхи. Он говорил, что в шкафу у него кто-то сидит; иногда ночью дверца шкафа открывалась, и он видел там кого-то с желтыми глазами, кто хотел его съесть. Донна думала, что это все влияние книжки Мориса Сендака, а Вик высказывал Роджеру (но не Донне) мысль, что Тэд мог услышать где-нибудь об убийствах в Касл-Роке и решить, что убийца - который стал чем-то вроде местного пугала - прячется у него в шкафу. Роджер соглашался, что такое может быть: с детьми возможно все.

Через пару недель Донна тоже взволновалась; как-то она с нервным смешком сообщила Вику, что вещи в шкафу Тэда кто-то сдвинул с места. «Это Тэд», - сказал Вик. «Ты не понимаешь, - возразила Донна. - Он теперь и не подумает туда заглянуть. Он боится». И она добавила, что в шкафу, по ее мнению, действительно нехорошо пахнет. Как будто там завелось какое-то животное. Вик в недоумении выдвинул идею, что Тэд ходит во сне, может быть, заходит в шкаф и мочится там. Он заглянул в шкаф, но там пахло только нафталином. Шкаф длиной в восемь футов упирался в стену и был узким, как пульмановский вагон. Никаких монстров там, конечно, не оказалось, и Вик вовсе не попал в Нарнию. Пара пауков в углу - и все.

Сперва Донна пыталась бороться со страхами Тэда увещеваниями, потом молитвами. Он отверг и то и другое, заявив, что раз Бог сам не верит в монстров, то никакие молитвы не помогут. Донна встревожилась - как подозревал Вик, она и сама стала бояться этого шкафа. Как-то раз, когда она вешала рубашку Тэда, дверца захлопнулась, и она пережила очень неприятные сорок секунд, на ощупь выбираясь оттуда. И в тот момент она что-то ощутила, совсем близко, - что-то

горячее, злобное, напомнившее ей запах пота Стива Кемпа после того, как они занимались любовью. После всех ее заверений, что монстров не бывает, Тэд только вздыхал, крепко обхватывал своего любимого мишку и покорно отправлялся спать.

Вик и сам помнил о дверце шкафа, открывающейся в темноту, как идиотский черный рот; о месте, где иногда мерещатся всякие ужасы, а висящие вещи кажутся повешенными людьми. Он помнил о тенях, которые уличные фонари отбрасывают на стены в бесконечные четыре часа перед рассветом, когда по дому бродит – или кажется, что бродит, – нечто странное.

И тогда он придумал заклинания или, для четырехлетних, Слова от монстров. Вик огласил их как-то за завтраком, к радости Донны, к которой, правда, примешивалась досада от того, что ее собственные педагогические усилия не возымели должного эффекта. Вик теперь каждый вечер повторял их над постелью Тэда как молитву, и Тэд зачарованно слушал, лежа под простыней в полумраке.

– Думаешь, ему это не повредит? – спросила Донна тогда, в середине мая, когда между ними уже началась размолвка.

– Мы, мастера рекламы, не думаем о перспективе, – ответил Вик. – Главное – успех сейчас, побыстрее. И я доволен результатом.

– Да, никто не знает Слов. Вот в чем дело, – говорил теперь Тэд, размазывая слезы по щекам.

– Послушай, – сказал Вик. – Они же написаны. Я напечатаю их на бумаге и повешу на стену. И мама каждый вечер будет тебе их читать. Вот и все.

– Правда?

– Конечно, правда.

– А ты не забудешь?

– Ни за что на свете. Сегодня же.

Тэд обнял отца, и Вик крепко сжал его плечи.

Этим вечером, когда Тэд уснул, Вик тихо вошел в его комнату и булавкой прикрепил к стене листок бумаги. На нем большими буквами было написано:

СЛОВА ОТ МОНСТРОВ

ДЛЯ ТЭДА

Монстры, уходите отсюда!

Вам нечего здесь делать.

Уходите, монстры, из-под кровати Тэда!

Вы не сможете там спрятаться.

Уходите, монстры, из шкафа Тэда!

Он слишком мал для вас.

Уходите, монстры, от окна Тэда!

Вам не на чем там висеть.

Уходите, вампиры, и оборотни, и злючки-кусачки!

Вам нечего делать здесь.

Никто из вас не должен трогать Тэда!

Вам нечего здесь делать.

Вик долго смотрел на свое произведение и после дважды напомнил Донне, чтобы она читала слова каждый вечер. Пусть осознает, как они важны для Тэда.

Выходя, он заметил, что дверца шкафа снова открылась. Он плотно закрыл ее и вышел.

Тем же вечером, чуть позже, дверца открылась опять. Оттуда блеснули желтые, безумные глаза.

Но Тэд не просыпался.

На другой день, в четверг полвосьмого утра, фургон Стива Кемпа выехал на дорогу номер одиннадцать. Стив добрался до дороги номер триста два и повернул на юго-восток, в направлении Портленда. Там он заскочил на почту.

В бардачке у него лежала целая пачка писем – на этот раз не написанных квадратными буквами, а отпечатанных на машинке. Машинка теперь находилась в фургоне вместе с прочим его имуществом. У него заняло не больше полутора часов собрать все свои вещи, включая Берни Карбо, который мирно спал в своей коробке. Они с Берни всегда путешествовали налегке.

Письма были отпечатаны профессионально. Шестнадцать лет творческой работы превратили его в классного машиниста – и то хорошо. Он опустил письма туда же, куда вечером бросил анонимное послание Вику Трентону. Если бы он уже собирался покинуть штат, не заплатив арендную плату, он был бы осторожнее, но пока он всего лишь переехал в Портленд и решил действовать легально. Он мог не скупиться; в бардачке лежали аккуратно перевязанные шестьсот долларов.

В придачу к плате за аренду он вернул долги некоторым заказчикам. Каждый чек он сопровождал вежливым уведомлением, что, к сожалению, его мать серьезно заболела (эта легенда о маме безотказно действует на любого американца). Поэтому они могут забрать свою мебель у него в магазине – ключ на полочке перед дверью, справа, и не будут ли они добры после положить ключ на то же место. Благодарю вас, бла-бла-бла, тра-ля-ля.

Стив закинул в щель ящика последнее письмо. Он испытывал удовлетворение. Приближаясь к Портленду, он насвистывал «Мою сладкую» вместе с «Грейтфул Дэд». В Портленде он еще надеялся успеть сыграть в теннис. Что ни говори, день выдался неплохой. Если мистер Бизнесмен еще не получил его маленькое послание, ничего. Скоро получит. Стив довольно ухмыльнулся.

В полвосьмого, когда Стив Кемп думал о теннисе, а Вик Трентон – о звонке Джо Кэмберу насчет жениного «пинто», Черити Кэмбер готовила сыну завтрак. Джо уже полчаса как уехал в Льюистон подыскивать ветровое стекло для «камаро» 72-й модели на какой-нибудь свалке. Это соответствовало плану, который Черити вырабатывала долго и тщательно.

Она поставила перед Бреттом тарелку с яичницей и беконом и села напротив. Бретт с легким удивлением взглянул на нее поверх книги, которую читал.

Обычно по утрам мать находилась в некотором оцепенении и на все вопросы отвечала сердито и невпопад.

– Бретт, можно мне с тобой поговорить?

Удивление перешло в настоящее изумление. Он не узнавал свою всегда молчаливую мать. Она явно нервничала. Он закрыл книгу и сказал:

– Конечно, ма.

– Хочешь... – Она откашлялась и начала снова: – Хочешь съездить со мной в Коннектикут к тете Холли и дяде Джиму? И к твоим кузенам?

Бретт широко улыбнулся. Он всего два раза в жизни покидал Мэн, оба раза вместе с отцом, когда они ездили в Нью-Хэмпшир искать какие-то детали.

– Конечно! – воскликнул он. – А когда?

– Думаю, в понедельник. На выходные и Четвертое июля. На целую неделю. Как тебе это?

- Здорово! Тьфу, у папы ведь много работы. Он может...

- Твой папа ничего не говорил.

- А я знаю, что он обещал Ричи Симмсу поставить новый мотор на его трактор. И еще мистер Миллер из школы хотел завести свой «форд». И...

- Я все же думаю, мы сможем уехать, - прервала его Черити. - На автобусе из Портленда.

Бретт заколебался. Где-то на крыльце медленно протопал Куджо. Он смотрел на хозяйку и мальчика красными, воспалившимися глазами. Ему было очень плохо.

- Тьфу ты! Не знаю...

- Не говори «тьфу». Это плохое слово.

- Прости.

- Но ты хочешь поехать? Если папа согласится?

- Конечно! А ты уверена, что он согласится?

- Наверное. - Она задумчиво поглядела в окошко над раковиной.

- А далеко до Стрэтфорда, ма?

- Триста пятьдесят миль.

- Тьфу... то есть далеко. Это...

- Бретт.

Он вопросительно взглянул на нее. На ее лице опять отражалось удивляющее его возбуждение.

- Что, ма?

- Как ты думаешь, отцу что-нибудь нужно? Он хотел бы что-нибудь купить?

Глаза Бретта слегка блеснули.

- Ну... ему нужны ключи... и он еще хотел маску для сварки. Старая совсем треснула.

- Да нет, что-нибудь большое. Дорогое.

Бретт подумал, потом улыбнулся:

- Он очень хотел новый мини-кран. С ним бы он выдрал старый мотор из агрегата Ричи, как кусок де... Ну, легко. - Он чуточку покраснел, но продолжал: - Но ты не можешь купить ему это, ма. Это очень дорого.

- Сколько?

- Ну, по каталогу не меньше тысячи семисот, но папа говорил, что мистер Беласко в Портленде уступил бы ему дешевле. Он говорит, что Беласко его боится.

- Думаешь, это правда?

Бретт, казалось, даже испугался. Он не помнил, чтобы мать когда-либо вела такие разговоры. Даже Куджо на крыльце слегка наострил уши.

- Ну?

- Нет, ма, - сказал он, но Черити поняла, что он лжет. Она уловила в словах Бретта восхищение. Он хочет быть похожим на отца. Тот словно становится выше ростом, когда видит, что его боятся. О Господи!

- Нет ничего хорошего в том, что тебя боятся, - сказала она. - Нужны только громкий голос да грозный вид. Давай доедай.

Он медленно начал есть, то и дело поглядывая на нее. В это утро везде таились загадки.

- Сколько это будет стоить? Тысячу триста? Тысячу четыреста?

- Не знаю, ма.

- А этот Беласко может доставить заказ сюда?

- Такой дорогой, наверное, может. Если бы у нас были деньги.

Ее рука потянулась к карману халата. Там лежал лотерейный билет. Зеленый номер на нем, семьдесят шесть, и красный, четыреста тридцать четыре, совпадали с указанными в таблице выигрышей. Она сверяла их десятки раз, не в силах поверить. Она каждую неделю тратила на билет пятьдесят центов, с семьдесят пятого года, и вот эти вклады принесли отдачу – пять тысяч долларов. Она еще не получила их, но они никуда не уйдут.

- Деньги есть, – сказала она.

Бретт уставился на нее.

В четверть одиннадцатого Вик вышел из офиса и поплелся в кафе, не в силах выносить проклятую жару. Сейчас он делал рекламу для яичной фермы Декостера. Трудная работа. Яйца он ненавидел с детства, когда мать запихивала их ему в глотку четыре раза в неделю. Все, что он мог выжать из себя, это: «Кусай от яйца с любого конца». Не бог весть что. Мысль вызвала у него в уме образ яйца, застегнутого посередине на молнию. Образ хороший, но какой от него толк? Он не мог придумать. Надо спросить Тэдди, подумал он, когда официантка принесла ему кофе и блинчики с черникой. Тэд яйца любил.

Конечно, его мучила не эта яичная реклама. Мучили его предстоящие двадцать дней. Да, ехать придется. Роджер его убедил. Нужно ехать и драться.

Старый толстый Роджер, которого Вик любил как брата! Он был, наверное, даже рад проехаться, попить кофе, поболтать. Но Вику хотелось побыть одному.

Поразмыслить. Они и так все время были рядом – вполне достаточно даже для братьев.

Он снова вспомнил о фиаско с «Красной клубникой». Все случившееся было плохо, но не смертельно. Даже тупые покупатели осознают, что подобные просчеты в деятельности компаний неизбежны. Пару лет назад обнаружилось, что краска, которой наносились рисунки на стаканы в закусочной «Макдоналдс», содержит избыточную дозу свинца. Стаканы быстро убрали; компания понесла убытки, но никто не обвинил Рональда Макдоналда в попытке отравить клиентов. И Профессора Вкусных Каш никто в этом не обвинил, хотя комики, от Боба Хоупа до Стива Мартина, немало поиздевались над ним, а Джонни Карсон в «Вечернем телешоу» произнес как-то целый монолог о «Красной клубнике». Нет нужды говорить, что Профессор исчез с экрана, а игравший его актер никак не мог оправиться от потрясения.

– Все могло быть и хуже, – заявил Роджер, когда прошел первый шок и схлынула лавина звонков из Кливленда.

– Что? – спросил тогда Вик.

– Представь, что мы разрекламировали бы настоящую отраву.

– Еще кофе, сэр?

Вик поднял глаза на официантку. Он хотел отказаться, потом кивнул:

– Полчашки, пожалуйста.

Она поставила чашку и отошла. Вик сидел, не торопясь пить.

К счастью, довольно скоро по телевизору показали пресс-конференцию с участием авторитетных врачей, утверждавших, что краска безвредна. Незадолго до этого такой же шум поднялся из-за того, что у некоторых стюардесс международных рейсов кожа вдруг покрылась оранжевыми пятнами. Оказалось, что все дело в спасательных жилетах, применение которых они объясняли пассажирам на своем опыте.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перевод П. Грушко

Купить: <https://telnovel.me/ru/stiven-king/kudzho>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)